Последняя игра чернокнижника

Автор:
Тальяна Орлова

Последняя игра чернокнижника

Тальяна Орлова

Пусть и не по своей воле я очутилась в иной реальности, но увидела возможность начать с чистого листа новую жизнь. А другой мир оказался местом страшнее, чем я знавала до сих пор. В прошлом преступница, которой нечем гордиться, встретилась со злом настоящим – холодным, расчетливым, порочным и не ведающим сострадания. Чернокнижник решил вовлечь меня в свою очередную игру. Самое простое – сдаться на его волю, но раз уж прошлое меня не сломило, то и с ролью жертвы не смирюсь.

Тальяна Орлова

Последняя игра чернокнижника

Глава 1

– Миеллансишхтимирекатейна? Ардулаемирних?

Я села, несмотря на ломоту во всем теле, но не отводила взгляда от широкого, какого-то слишком круглого лица. У мужчины глаза невероятного цвета – светло-голубого, но настолько ярких радужек не бывает. Линзы? Простонала от боли, лежать все-таки было не так трудно. Но попыталась взять себя в руки и разобрать, что толстяк бормочет.

Он, видя полную растерянность на моем лице, повторил с паузами:

– Миелланси шхти мир екайтена?

Толстяк одет в карикатурную белую рясу, а я нахожусь в каком-то странном помещении – до рези в глазах светлом, заставленном такими же светлыми шкафами. Попыталась приглядеться, но так и не смогла понять, чем же забиты все полки. Медленно перевела взгляд вниз – на свою голую грудь, на руку, из вены которой до сих пор торчала полупрозрачная игла, осмотрела ноги. Я сижу на кровати? Нет… По мере осознания я покрывалась холодным потом. Эта штуковина с сейчас отодвинутой стеклянной крышкой – не кровать… Черт, как же она называется? Слово «капсула» отдалось в голове очередными резями. Но я не смогла даже руки к вискам прижать, не то чтобы прикрыться.

Этого не может быть. Сколько прошло времени? Уж точно не полчаса.

Толстяк вдруг подался ко мне и прижал два сложенных пальца к моему лбу. Я бы отшатнулась, если бы нашла для этого силы. Он закрыл глаза и зашептал уже себе под нос, совсем неразборчиво. Действо заняло несколько минут, а я в это время тоже прикрыла глаза, чтобы быстрее прийти в себя.

И, наконец, он заговорил совсем иначе:

– Тебя зовут Екатейна? – вот так, с ударением на «ей».

– Екатерина. Катя, – поправила я скрипучим хрипом. Язык во рту ощущался распухшим, огромным, а в горле сразу запершило. Я сглотнула, ощутив в слюне кровь.

– Понятно, – он широко улыбнулся. – Я могу подстроить разум под любой язык, как сделал только что с тобой, но письменные сообщения без образцов разобрать не всегда получается.

Образцов… Я уже смогла повернуть голову и сильно вздрогнула, вспоминая, как мне в ноги напоследок, перед тем как закупорить в этой стеклянной гробнице, бросили досье – с именем, фамилией, основными медицинскими характеристиками. Интересно, зачем, если меня отправляли всего лишь на

полчаса в будущее? Сам этот факт подтверждал, что предполагались разные результаты – в том числе, если я очнусь в этой капсуле через миллион лет. Хотя вряд ли кто-то всерьез ставил на то, что вообще очнусь.

В горле першило все сильнее, на глаза наворачивались истерические слезы. Но мужчина в белом спросил снова:

– Как ты себя чувствуешь, Катя?

– Плохо, – призналась честно и все-таки раскашлялась.

– Тогда ложись, ложись, – он мягко надавил на плечо. – Зелья-то у меня есть, но тут надо подумать – твоя физиология может отличаться от нашей. Не убить бы ненароком, раз выжила. Я не убийца.

Последнее заявление обнадеживало – единственное вообще из всей истории. Потолок оказался тоже белым, но еще и сверкающим. Я просто закрыла глаза, чтобы больше не получать сигналов в мозг. Но толстяк не замолкал:

– Меня зовут Ноттен, я белый айх Ир-Раттоки и практически единственный специалист по подаркам из внешних миров. Этот гроб мне приволокли два цина назад, он снова появился в главном зале библиотеки. Как будто я один способен понять, что это означает. Признаюсь честно – после того, как я испытал на нем все открывающие заклинания, просто нажал на большую кнопку. Я чувствовал, что ты жива, потому боялся нарушить целостность упаковки обычными методами – расколоть и заглянуть. И ведь сработало, после этого крышка отъехала, а ты начала приходить в себя.

Я уловила только одно слово – самое важное:

– Снова? Были и до меня?

– Были очень похожие. Раев восемь назад первый, но внутри оказались только бумаги и предметы непонятного назначения. Я мало что понял из тех записей. А вот примерно два рая назад такой же стеклянный гроб появился уже с остатками человеческого тела – его просто разметало ровным слоем по внутренней поверхности. Затем еще один. Я смог с определенной долей

вероятности установить только пол жертв: первым был мужчина, а вторая – определенно женщина, причем давшая минимум две жизни.

Я с силой зажмурилась. Плакать не хотелось, хотя паника накатывала все отчетливее. Полтора месяца назад увели Тамарку. И теперь я все же узнала о ее судьбе. Тамарка – с тихим-тихим голосом. Которая вообще никогда не нарывалась, потому что дома ее ждали двое детей.

– Катя, – он снова отвлек меня от мыслей. – Будь со мной откровенна. В вашем мире таким образом казнят преступников?

Этот проницательный человек угадал на сто процентов. Казнят. И именно преступников. По сравнению с этим способом казнь на электрическом стуле кажется очень гуманной. Но я не ответила на вопрос, а уточнила:

– В моем мире? Вы хотите сказать, что это какой-то другой мир?

– Разве не очевидно? В нашем таких технологий, которые вообще не поддаются магическому воздействию, нет.

– То есть это не Земля?

– В каком смысле – земля? Здание, конечно, находится на земле. В небо могут подниматься только крылатые элохи. Мои предшественники давно открыли существование других миров. Допускаю, что они находятся прямо здесь, в этом же пространстве, просто сдвинуты на толщину волоска друг от друга. В общем… давай сначала тобой займемся.

Я сжалась от того, что мужчина положил руки мне на талию и крепко сжал. А потом одну переместил на грудь и повел по всему корпусу, зачем-то произнося вслух очевидное:

– Две почки. Сердце смещено немного влево. Это… печень? У тебя есть и печень, Катя! – он будто поздравил. – Похоже, твоя физиология полностью соответствует нашей, что радует. Селезенка как будто немного смещена, но это может быть результатом общей травмы. Внутренние гематомы. Но в целом, все поправимо.

Я подумала над его непонятным облегчением. Вероятно, он тут что-то наподобие доктора, и добавила к озвученным выводам, чтобы хоть чем-то помочь:

– У меня четвертая группа крови, айх…

– Ноттен, – подсказал он. – Четвертая группа – как это? – он схватил меня за запястье, прижался широким носом и с шумом втянул воздух. – А-а, понял. Твои предки вступали в смешанные браки с представителями разных магических истоков?

– Вряд ли, – ответила я и почувствовала, как на апатию накатывает истерический хохот. – Хотя откуда мне знать? Я детдомовка и воровка, в данный момент мотающая срок за… да много за что. Может, мой прадедушка был благородным вампиром Эдвардом Калленом, а дядюшка – чернокнижником? Просто мне забыли сообщить.

Толстяк вдруг резко наклонился к моему уху и прошипел:

– Тихо! Тс-с, дуреха! Не зови его, он может почуять упоминание! Не хочешь видеть зла – не кричи его имя.

Я уставилась в небесно-голубые очи и промолчала. Даже не осмелилась уточнить, кого именно я зову: прадедушку или вампира. Но смеяться вмиг расхотелось – кажется, толстяк говорил серьезно. Он подхватил меня за затылок, помог вновь сесть и влил в рот густую жидкость. Я даже вкуса не поняла, но после первого глотка почувствовала облегчение.

– Снадобье не должно повредить, раз твоя пищеварительная система работает по тому же принципу. Через цин попробуем более сильное средство, если с этим не возникнет проблем. А пока спи. Спи, Катя.

Толстяк вышел из помещения, хлопнув дверью. Спать я не хотела, особенно на фоне отступающей боли. Откат был настолько ошеломляющим, будто из каждой клетки вытаскивают микро-иглу. Я просто стонала от удовольствия отступающего мучения. Но, освобожденная от боли, голова заполнялась мыслями. И радоваться было нечему. Хотя, может, все теперь, наоборот, наладится? Какой-то совершенно другой мир, абсолютно чистый лист биографии, а Ноттен производит самое лучшее впечатление.

Когда-то я думала, что самый страшный день в моей жизни случился, когда нас взяли на вооруженном ограблении. Я всего лишь стояла на стреме возле магазинчика, но за мной уже значился условный за воровство, потому судья была неумолима. Мне дали меньше, чем остальным, всего полтора года. И я даже успокаивала себя тем, что из нашей компании мало кто пока обошелся без срока. Тюрьмы я тем не менее боялась. Но все оказалось не так страшно, как я читала в дешевых детективчиках. У многих женщин за стенкой оставались семьи, к которым они хотели вернуться, потому и вели себя спокойно, никаких серьезных разборок за два месяца отбывки я так и не увидела. Мне повезло – в общей камере с нами была Тамарка, по-бытовому мудрая и бесконечно спокойная женщина. Она и мне сумела объяснить, как себя вести, и мелкие конфликты на корню улаживала. А по вечерам в темноте нам рассказывала сказки – смешно, конечно: лежат себе уголовницы и слушают детскую чушь, но никто не перебивает, каждое слово ловят. Сказок Тамарка знала много – у нее двое детей, которые остались на попечении сестры. С каким-то поразительным простодушием и без спроса она переносила на нас заботу, а мы – и не только те, кто о матерях лишь в книгах читал – вкушали ее сказки и боялись дышать, чтобы настроение не сбить.

Когда мне предложили сделку, подумала, что причиной выбора стало мое сиротство, никто меня на воле не ждет. Увели в кабинет, майор вышел и оставил меня с тремя мужиками в медицинских халатах. Они очень долго расписывали мне мою же загубленную судьбу, и что в девятнадцать лет я еще могла бы начать жить иначе – и для этого мне желательно оказаться на свободе. Суть сделки заключалась в добровольном участии в каком-то научном эксперименте, который они претенциозно назвали «временным перемещением», а взамен обещали включить меня в программу амнистии. Не могу сказать точно, почему тогда отказалась. То ли их скользкие взгляды не вызывали доверия, то ли Тамаркины сказки делали мое существование в камере не таким ужасным. А пропаду в этих их экспериментах, никто и не заметит.

Оказалось, что Тамарке сделали такое же предложение – и это меня удивило. Сидела она за убийство сожителя, считала дни до освобождения и жила только моментом, когда сможет вернуться к сестре и детям. Может, я зря поддалась интуиции? Не собираются ученые никого убивать, раз и человеку с семьей предложили. А может, и не зря… поскольку Тамарка тоже отказалась, пробурчав короткое объяснение: «Что-то нечисто у них. Я лучше свое время спокойно выжду».

Через пару недель нас с ней снова по очереди таскали в кабинет. И уже чуть подробнее описали суть опыта, хотя на самом деле закидали непонятными терминами. Лично я вообще ничего не понимала ни в Эйнштейне, ни в каких-то порядках времени и пространства. Пытались они и воззвать к любопытству – неужели самой неинтересно, получится ли совершить прорыв? Мне было неинтересно.

А потом Тамарка не вернулась. Согласилась поучаствовать, и ее сразу отпустили? Но нет, эта мысль не выглядела правдоподобной – у Тамарки под подушкой затрепанная фотография родни осталась. Я бы руку дала на отсечение, что сокамерница могла бросить все на свете, но за этим снимком вернулась бы. Ее вещи через несколько дней молча собрала надзирательница и, ничего не объясняя, унесла. После этого я уже относилась к предложению ученых с настоящим страхом.

А меня спрашивали снова. Теперь мое «нет» звучало куда тверже. Почему именно я и Тамарка? В тюрьме огромное количество женщин, но их интересовали только мы. И куда она пропала? Покажите мне Тамарку – живую и здоровую, тогда подумаю. На эти вопросы мне не отвечали, зато начали прессовать: выводили ночами во двор и били. Не ученые, конечно, какие-то парни-солдаты. В живот, по груди, но не по лицу. А когда падала и получала пинки, то их останавливали – мол, нельзя повредить внутренние органы. И снова задавали тот же вопрос. Но теперь я была в решении уверена – лучше пусть бьют, выживу. Тем более, когда все-таки опасаются причинить серьезный вред. Но после согласия – уже вряд ли.

И в один из дней мне просто одели мешок на голову, увели по гулким коридорам, усадили в машину. А какой-то нелюдь сел рядом и утешающе похлопал по наручникам.

– Не переживайте так, Екатерина Сергеевна, все будет хорошо. Хотя лучше бы добровольно. К сожалению, Тамара Петровна тоже сопротивлялась – и это отрицательно сказалось на ходе эксперимента. В общем, не переживайте, однако ради самой же себя настройтесь и смиритесь.

Я все еще пыталась вырваться, когда бугаи меня тащили куда-то и всовывали в капсулу. До последнего не хотелось умирать – да, воровка, да, ничего хорошего не сделала ни себе, ни людям, но смерти не заслужила. Меня привязали ремнями, всадили седатив. Однако я не спала и все слышала:

– Это будет прорыв, Екатерина Сергеевна. Время и пространство нелинейны – в каждой точке есть тысячи их сочетаний. Вам нужно немного потерпеть, а мы постараемся перевести вас на другую временную линию. И тогда вы просто переместитесь на полчаса вперед, ничего страшного! Зато все человечество будет перед вами в долгу! Смотрели фантастические фильмы, Екатерина Сергеевна? Представьте, что вы в главной роли одного из них – путешественница в будущее. Неужели самой не занятно?

Если бы мне не вставили в зубы резиновую капу – вероятно, чтобы я во время этой «нестрашной» процедуры не откусила себе язык – то я бы вежливо поинтересовалась, появилась ли Тамарка через полчаса, и добавила бы, в какой жопе я видела их прорывы и все человечество.

– Потерпите, потерпите немного, Екатерина Сергеевна…

Я не терпела – последующее терпеть было невозможно. Но повезло, что сознание все-таки от боли отключилось.

И вот я здесь – живая и почти невредимая. Пора признать, что те гады не ошиблись хоть в чем-то: пространство тоже нелинейно. И эти ублюдки с потрясающей периодичностью просто закидывают в другой мир свои «гробы», которые айх Ноттен вынужден распечатывать и гадать об их происхождении.

Стоило так цепляться за жизнь, чтобы оказаться посреди этого абсурда – зелий, магии какой-то, летающей нечисти и черт знает кого еще. Моя предыдущая судьба явно не удалась, но вдруг этот поворот и есть начало нового пути? Вдруг все здесь добры, как пухлый айх? Немного прошло времени до понимания, как же я ошиблась. Те ученые – далеко не самые жестокие звери во всех пространственных и временных перекрестьях.

Глава 2

С каждой минутой мне становилось лучше. И дело оказалось не только в чудодейственных препаратах, которые влил в меня айх после возвращения. Он же мне выдал собственную рубаху – не по размеру огромную и длинную, но

самого толстяка мои голые худые ноги, торчавшие из гигантской мешковины, не смущали. Не смущалась и я. По непонятной причине хотелось танцевать, а уж усидеть на месте я совсем не могла: летала от кровати к окну, выглядывала наружу – комната, в которой я проснулась, находилась примерно в центре высокой башни, а внизу распростерся город. Я бы назвала его средневековым, если бы не размеры: невысокие здания и узкие улицы тянулись до самого горизонта. Но видно было плохо, потому я просто продолжала свой полет – от окна к полкам с разноцветными колбами и свитками, от полок к зеркалу, которое не сразу заметила. Перед ним замерла на несколько минут, не силах сообразить, что меня смущает в отражении.

Понятное дело, на мне никакого макияжа, однако извечная чернота из-под глаз пропала, светлые волосы грязные, а резинка, их стягивающая, осталась в моем мире вместе с робой и бельем. Я прищурилась и подалась еще ближе, чтобы уловить ускользающие отличия. Волосы явно нуждаются в мытье, но будто иначе блестят. Шрам над правой бровью исчез, я даже пальцами несколько раз провела, чтобы удостовериться. Надо же, лет десять он был со мной, а теперь куда-то пропал. И последнее, что окончательно меня добило, – в моих ушах не было проколов. Не то чтобы я была большой любительницей носить сережки, но на мочках не было даже намека на то самое событие шестилетней давности, когда Валька дырявила всем желающим уши нагретой спицей, а на следующий день всем нам, «смелым красавицам», досталось по подзатыльнику от заведующей, а Вальке целых три.

И именно этот факт помог осознать все остальное: лекарства вылечили не только старые ранки, самые главные отличия были внутри – я не способна их описать, просто не могла вспомнить настолько хорошего самочувствия. Никогда я себя больной и не ощущала, но теперь стала понятна разница. Я поймала взгляд айха через зеркало и просто улыбнулась. Странно за такое благодарить. Слов не хватает, чтобы благодарить.

Только через несколько часов до меня дошло, что обновленный организм не идет ни в какое сравнение с другими процессами. Ноттена нельзя назвать красивым, он просто очень приятный на вид, но уже скоро я смотрела на него влюбленными глазами. Нет, это чувство не содержало ни капли похоти или вожделения, оно даже не было связано с благодарностью, только самая чистая, почти кристальная любовь – у меня словно душа к нему навстречу разворачивалась, открывалась, иногда с болезненно лопающимися старыми швами, которые тут же зарастали. Не потому ли я запросто отвечала на его

вопросы – рассказывала не только о своем мире, но и о себе самой? Без фальши, не рисуясь, не скрывая никакой грязи, я выдала ему всю биографию. Это я-то, давно приученная, что лишнюю информацию никогда нельзя оглашать посторонним? А для меня все были посторонними – похоже, за исключением айха. Я как на исповеди обновлялась, искренне сожалела об ошибках и вдруг явственно осознавала, что действительно часто могла поступить иначе, и что вся моя улетевшая в задницу жизнь могла сложиться по-другому. И она обязательно бы сложилась, даже с этим багажом, вот с любой ее точки я могла повернуть на сто восемьдесят градусов – и, исповедуясь этому чудесному человеку, я действительно в это верила! Я просто пела о том, с каким цинизмом подрезала сумки в троллейбусах у старух, думая только о себе, и что только сейчас дошло сожаление. Осеклась посередине фразы и смутилась своей откровенности, но айх сам опередил назревший вопрос:

– Не смущайся, Катя. Это свойство моей магии – любой человек, попадающий под белую ауру, становится лучше. Показалось, что ты уже знакома с этим чувством – когда рассказывала о сказках своей Тамарки. Вероятно, магия в твоем мире не так сильна, но капля белого света в твоей сказочнице определенно была, она тебя и лечила, именно она помогала сопротивляться плохому развитию событий. Не обижайся на эту магию, она существует сама по себе. Но и не бойся последствий своего рассказа, никто от меня не узнает о темных пятнах в твоем прошлом, я не способен совершать злые поступки – это обратная сторона моей силы.

Об обиде и страхе речи не шло. Зато я поняла, что могу быть совсем другой – не такой, какой всегда была. Пусть даже и ощущаю себя не самой собой, подмененной на улучшенную версию, но так мне нравилось больше. Теперь я глядела в неестественно яркие глаза с неприкрытым обожанием, не приученная говорить «спасибо» вслух. Просто надеялась, что собеседник этот отблеск в моих глазах видит. И он видел:

– Нет, Катя, к сожалению, ты не сможешь остаться здесь. Эта… капсула появилась в библиотеке, посему все содержимое, включая тебя, является собственностью владельца здания, господина Тейна. Цин назад уже прибегал от него посыльный, я сказал, что ты еще слаба, тем самым только выкроив время. Но лгать я не стану – не смогу. Как и злоупотреблять своим положением.

Пока переживать о будущем я не могла, потому в свою очередь начала расспрашивать Ноттена. Оказалось, что айх – это обозначение высочайшего

статуса в магии, и сам мой спаситель является одной из нескольких важнейших фигур во всем государстве. Он слишком занят, но по доброте решил ради меня отложить все свои дела.

Больше, чем государственное устройство и местные традиции, меня интересовало другое:

– Уважаемый айх, а Ноттен – это имя или фамилия?

– Имя, конечно, – он удивлялся вместе со мной. – У меня слишком высокий статус, чтобы представляться родовым именем.

– Как это?

– А как у вас?

Пришлось рассказать. На что маг с удовольствием поведал:

– У нас все наоборот. Обозначать принадлежность к роду – это показывать свою слабость. Мол, это не я стою, а за мной все мои однофамильцы, благородные предки или богатая семья. Разумеется, чем выше человек, тем реже отсылается к любой поддержке. Родовое имя магов используется только в ритуалах. А ты ври, что из диких земель, о них все равно толком не знают, если не хочешь лишнего любопытства.

– Как интересно! Айх, а я правильно поняла, что в этом мире водятся вампиры? Может, и оборотни есть?

– Нет, – он мягко улыбался и качал головой. – Я впервые слышу эти названия.

– Жаль, – я тоже улыбалась ему так, что челюсти уже сводило. – Просто это было бы забавно – узнать, что наши легенды имеют какие-то реальные корни!

– Наверняка имеют. Миров множество. В наш изредка проникают неизведанные сущности, они могут попадать и в ваш. Но вряд ли являются коренными жителями.

– Понятно, – я вспомнила еще: – А чернокнижники? Я же так тогда выразилась?

Улыбка исчезла с его лица, он вскинул руку, осекая:

– Предупреждал же, не зови! Не будь такой безрассудной, Катя, – он увидел недоумение в моих глазах и сдался – начал объяснять: – Ты можешь говорить или думать о чем угодно, но у меня сила могущественная: все мои мысли – это отчетливые сигналы для тех, кто умеет слышать. А поблизости таких… один. Я просто прошу тебя не использовать именно эту формулировку, ведь ты невольно заставляешь меня так же думать.

Какую формулировку? «Чернокнижники»? Но я предупреждение услышала и спросила тихо:

– Айх Ноттен, вы чего-то боитесь?

– Я? – он чисто, светло рассмеялся. – Нет, девочка, мне совершенно ничего не грозит. Надо же, переживаешь, а расписывала-то себя как эгоистку и злодейку… Давай лучше ужинать!

Ужинали мы непонятным супом и рагу из овощей. Доставила все девушка в фартуке – должно быть, служанка. Она тоже заулыбалась, поглядывая на толстяка, и несколько раз переспросила, всем ли доволен ее обожаемый господин. Я бы ощутила зависть и самую настоящую ревность, но в тот момент могла только их отстраненно отметить, – все плохие эмоции в присутствии айха умирали, не проклюнувшись. Еда была непривычной, чувствовались незнакомые приправы, но мне было вкусно – не исключаю, что с таким же аппетитом в этой компании я бы наслаждалась и ненавистной манной кашей, и чем угодно.

После трапезы я продолжила расспросы, так боялась, что айх все-таки уйдет по своим неотложным делам.

– Неужели даже канализация работает на магии? – удивлялась я.

– Конечно. Примерно каждый сотый ребенок рождается с магическим даром – разумеется, в разной степени. И все они потом чем-то занимаются: кто-то колдует над созданием книг, кто-то возводит замки до неба, а кто-то способен

лишь на то, чтобы помочь крестьянам с уборкой урожая.

– Вот это да! В моем мире все приходится делать ручками, – я смеялась как ребенок.

– Разве? – он смотрел внимательно. – А мне показалось, что самые сложные задачи у вас выполняют механизмы.

– Но и их создали ручками… а сначала чьими-то мозгами. Идеями!

– Предполагаю, что эти самые идеи и есть капли вашей магии. Почему один из вас смог возвести замок до неба – пусть и иначе, чем делаем мы, а другой способен лишь лопатой коренья из земли добывать? Я не вижу принципиальных отличий!

С этим сложно было спорить. Айх добродушно продолжил:

– А твой ум живой, Катя. Но ты и сама сегодня уже поняла, что лучше бы потратила свое время не на обучение воровству, а на…

Он вдруг остановился на полуслове, напрягся весь, вытянулся и встал из кресла до того, как дверь в комнату распахнулась.

– Айх Ноттен, к вам посетитель! – нервно выкрикнул мальчик-служка.

Но его просто отодвинули с прохода. В комнату вошел мужчина – очень высокий, черноволосый, молодой и заметный, насколько можно было предположить, не видя полностью его лица. Глаза его были закрыты повязкой – такой же черной, как одежда. Гость осмотрелся с демонстративной ленцой, тем самым показав мне точеный профиль. Да, точно, молодой, младше Ноттена лет на десять, а такие лица на монетах стоит печатать, чтобы с ними было жаль расставаться.

– Добрый вечер, айх, – сказал Ноттен очень спокойно, что немного противоречило его напряжению до появления посетителя.

Гость на приветствие ответил не приветствием и как-то показательно расслабленно, без капли того возвышенного пафоса, на который я успела

перестроиться в компании Ноттена:

– Чернокнижник, серьезно? Айх, ну сколько можно? Клянусь, всех отучил, а от вас ожидал большей тактичности. Или вы только притворяетесь святошей? – он ответа как будто и не ждал, проходя дальше. Повернул лицо к открытой капсуле: – К вам до сих пор тащат весь хлам?

Я таращилась на него во все глаза. У него же повязка! Но он не ведет себя как слепой – шаги уверенные, и явно рассматривает с интересом незнакомый предмет. Может, повязка прозрачная? Такой модный аксессуар непонятно для чего, типа наших солнцезащитных очков. Ноттен уже заметно успокоился, вот только переступал мелко в сторону. Я не сразу поняла направление его движения, пока он не остановился ровно между мной и гостем. Закрывает меня?

– Ну, не к вам же хлам тащить, – парировал Ноттен. – Особенно если там может быть что-то ценное.

– Тоже верно. Моей добротой не попользуешься, – отозвался незнакомец.

– По причине ее отсутствия, айх Ринс.

Мужчина развернулся от капсулы и посмотрел на моего покровителя. Усилилась уверенность, что он именно смотрит сквозь повязку.

– Я бы похвалил вас за сарказм, но это был не он, – заметил с усмешкой. – Хорошо быть мною, правда? Никто на горбушке не ездит, а если и осмелится, так только обеспечит мне развлечение на пару цинов вперед. Так зачем звали-то, айх Ноттен? Сделаю вид, что проигнорирую обращение. Хотя не проигнорировал бы, если бы мог с вами что-то сделать. Давайте живее, еще куча дел. При дворе опять подозревают, что наследника прокляли. А на слово не верят, что он просто туп как свинья и все его заскоки – не происки врагов. Может, мне самому им заняться? Пусть корону племянник короля наследует, он хотя бы без гонора – будет марионеткой в наших с вами руках. Как вам идея?

Я не понимала сути разговора, но ловила каждое слово незнакомца. На секунду показалось, что вокруг него воздух слабо чернеет, но стоило моргнуть, как галлюцинация исчезла. И все равно он пугал чем-то необъяснимым – не внешностью своей, которую любой назвал бы привлекательной, не чистым,

расслабленным голосом, а какой-то давящей аурой, от которой даже кожу неприятно покалывало. Ноттен снова заметно напрягся и шумно вдохнул.

– Вы же понимаете, айх Ринс, что в этом случае я распознаю ваше вмешательство? И тогда сделаю всё возможно, чтобы вас уничтожить! Мы оба присягали служить короне! Вы не имеете права оскорблять наследника и уж тем более строить против него планы!

– Да-а… тяжело вам живется без чувства юмора, постоянно забываю. Ну ладно, к делу. Кто здесь настолько самоубийца, чтобы звать меня чернокнижником?

– Приношу извинения за пустое беспокойство, айх, – Ноттен чуть склонил голову. – Я не звал, это вышло не нарочно. Я лишь отзеркалил случайные слова человека, незнакомого с правилами этикета.

Тонкие губы брюнета скривились, но лицо опустилось немного вниз, пока глаза под повязкой не остановились на мне. Я вся сжалась, захотелось упасть на пол и заползти за кресло. Но отчего-то была уверена, что это не поможет. Он видит всё! И повязка, и мебель ему не помеха.

– Итак, молодая девица в вашей одежде, – констатировал жуткий тип. – Поздравляю, айх Ноттен! Появилась надежда, что я доживу и до оргии в этой унылой башне. А девицы с грудью вам не досталось?

– Да что вы несете… – Ноттен развел руками, словно возмутился такому предположению. Ну да, он бы еще мою честь сейчас начал отстаивать. – Это… моя новая служанка!

Гость сделал еще шаг к нему.

– Сколько вам лет, Ноттен? Четыреста? Не думали выделить из них пару на то, чтобы научиться врать?

– Я не способен, вы и сами это знаете, – маг будто обиделся. – А девица – собственность библиотеки!

Брюнет медленно кивнул.

– Да, теперь говорите правду. Но зря вы так паникуете, она все равно не в моем вкусе. Если уж мне понадобится девочка, похожая на мальчика, так я лучше мальчика и возьму. Хотя… глаза-то какие, ух-х. Я весь от страха съежился. Она из диких земель, что ли?

Ноттен не ответил – а смысл, если врать не умеет? Но айх Ринс и сам догадался, обернувшись к капсуле:

– А, так это тоже оттуда? Могли бы и прислать кого-то поженственней, если хотели положить начало дружбы между мирами. Ладно, больше не интересно. А библиотечную уродину обучите вежливости.

Он вышел, не прощаясь.

Я вскочила и буквально повисла на локте Ноттена, преданно заглядывая в глаза, чтобы он удовлетворил любопытство:

– Это был…

– Айх Ринс, – отчеканил Ноттен. – Только так называй. А лучше вообще никак не называть, если мы не хотим, чтобы вернулся. Некоторое время он будет думать, что я тебе про вежливость объясняю, но лучше в дальнейшем не злоупотреблять спорными эпитетами в моей компании.

– А почему у него повязка? Он слепой?

– Нет, конечно, – айх мягко приобнял меня и усадил обратно в кресло. – Черным магам такой силы выжигают глаза в младенчестве, иначе они и сами нормально жить не смогут. Повязка просто ограничивает его силу, дает возможность выполнять свои обязанности. Так что скажем ему спасибо, что он ее не снимает! – толстяк это произнес в сторону двери отчетливо, словно ушедший мужчина всерьез мог слышать любые отсылки к нему.

– Выжигают… глаза? – я не могла поверить. Куда я попала? Здравствуй, новый чудесный и прекрасный мир магии? – М… младенцам?

Ноттен снова подарил мне улыбку – самую нежную и добрую улыбку из всех, что вообще могут существовать.

– Да. Но наш черный айх – самородок, вот и упустили. А потом он уже и не дался бы – зачем, если нашел способ сдерживаться? Как-то же он до восхождения дотянул. Начинал сам, родился не в ордене и даже не в столице – в бедняцкой семье, но кто-то из соседей по доброте душевной решил обучить ребенка грамоте. И после этого его восхождение остановить было нельзя: такой магический резерв получил подпитку. Однако айх очень не любит, когда вспоминают его предыдущий статус. Ну, ты понимаешь… Завистники некоторое время его тем словом называли, думали, что на место поставят выскочку. В итоге он черный айх империи, а от них только слово и осталось. Но признаю честно, такого сильного напарника в помощи государству я за свою долгую жизнь не видел. Ведь есть задачи, которые решаются светом и добром, а есть такие, где нужна сила злая – и все враги притихли, войны улеглись. Уверен, никто и не отважится… если только сам черный айх не подкинет во дворце идею начать кровавые завоевания.

Я изумленно выдохнула. Надо же, а они и в самом деле будто взаимодополняющие противоположности друг друга. Вот добро, а вон там – его кулаки. Но надо признать, что тот человек – и человек ли вообще? – пугающий до ужаса. Он только шаг в комнату сделал, и мгновенно пропала аура искренности и добродетели. Мне все еще было интересно, хотя я не знала, могу ли спрашивать, потому шептала, готовая остановиться в любой момент:

– А у него глаза тоже голубые, как у вас?

– Я не видел, и как-то в голову не приходило спрашивать, – Ноттен снова улыбнулся. – Но сам цвет не определяется свойствами магии, сила только делает радужку яркой. Думаю, что у него черные – именно поэтому родители и не заподозрили в ребенке такую мощь. Синие и зеленые выдают сильного мага сразу. А там уже родители бегут с дитем в ближайший орден для определения природы силы. И если черная, то младенца глаз лишают – он все равно слепым не будет, но хотя бы больших бед не наворотит, пока взрослеет.

Я, подбодренная его ответами, тараторили еще быстрее:

– А что произойдет, если он снимет повязку? Все вокруг умрут?

– Нет, конечно, – теперь Ноттен еще и добродушно посмеивался. – Как я вытаскиваю из людей самое светлое, он – самое темное. Любые пороки, даже скрытые. Сама должна догадаться, что в густонаселенной столице он смог бы навести хаос, если бы ходил без повязки по улицам. А он присягал поддерживать порядок.

– Да и вряд ли его вообще стесняет эта повязка, – я сделала очевидный вывод. – Он же все видит! Кстати, а что со мной не так? Уж кем-кем, а уродиной меня ни разу не называли…

Ноттен прижал сжатый кулак к губам, скрывая то ли смущение, то ли смешок:

– Катя… Я врать не умею, потому скажу прямо – и, кстати говоря, это хорошая новость, хоть может и ударить по твоему самолюбию. По нашим меркам ты некрасива. Слишком худа, не можешь похвастаться пышностью форм, роскошными бедрами или высокой грудью. Не так уж важно, что у тебя необычные для сих мест серые глаза или небольшой носик, потому что у нас для женщины первое значение имеет фигура.

Я удивленно уставилась на свою грудь – не такая она уж и маленькая. Не четвертый размер, конечно, но кому он нужен – четвертый-то? Ноги худые, это верно, но я себя всегда считала изящной, а не уродливой. Ноттен по-своему понял мое замешательство:

– И радуйся! Заодно лучше жирок не наедай, а то еще раздашься – с твоим милым личиком этого хватит. А в таком виде тебя в наложницы продавать не станут, никто попросту не купит.

– В… наложницы? – я похолодела от очередной «приятной» новости.

– Ну да. Вижу, знакомо такое понятие. Тебя же наверняка устроят прислугой – чистить, убирать, готовить. Я, разумеется, от своего характера рассуждаю, но мне кажется, это намного лучше, чем ублажать мужчин, на которых хозяин покажет пальцем. Девицы разные бывают, а твой рассказ о себе я слушал внимательно. Ты много чего против себя совершила, но похоти за тобой не видно.

С этим спорить я не стала. Вообще не знаю, как за всю свою гадостную биографию ни с кем не переспала. Предложения были, но с моей стороны никакой влюбленности. А мне все время казалось, что в том кругу, где я вращалась, стоит только раз дать поблажку – и пойдет-поедет. Сегодня Пете дала, завтра Никита вспомнит, как от полиции помог уйти. Послезавтра Жора предложит за охрану не деньгами заплатить. И не заметишь, как ты сначала по всем рукам пройдешься, а потом уже и ничего плохого в таком заработке не увидишь. Потому предпочитала терпеть издевки про «целку, ждущую своего прекрасного принца». Никакого принца я, конечно, не ждала. Там принцев не водилось. А здесь вон… наследники. Настоящие. Короли какие-то. А я горшки буду чистить, потому что худая для интимного использования. Обрадоваться бы, но всё слишком зыбко для однозначной радости.

– Ты уже зеваешь, пора спать! – айх прервал мой следующий вопрос. – Я позову служанок, они объяснят, как пользоваться ванной и нашими приспособлениями.

Стоило ему выйти из комнаты, как приподнятое настроение начало заметно уравновешиваться, в голову полезли страхи и мысли. Надо же, как сильно его влияние! Грустно быть не в его обществе. И не хотелось становиться собой прежней, и зависть теперь в полной мере ощущать: к приветливым служанкам, которые получили бесконечно ценный дар – жить в этой башне и служить этому человеку. Да я бы за одну только возможность видеть его каждый день превратилась бы в ангела, которым никогда не была. Возлюбила бы ближних, стала бы помогать всем сирым и убогим, лишь бы не покидать теплое местечко под светлым пухлым бочком.

Глава 3

Я быстро ориентировалась в информации. Разум воспринимал все слова, если они имели близкие аналоги. Но в случае термина с четкой формулировкой это не срабатывало: например, их «цин» не воспринимался как наш «час», поскольку был длиннее почти в полтора раза. А вот «день», «сутки» или «сезон» именно так и звучали, ведь мы находились в той же временной плоскости оборотов Земли. Разбираться было несложно и интересно.

Завтракать айх меня пригласил в столовую, а я неслась чуть ли не впереди него и прямо на ходу задавала миллион вопросов. Вот только нормально поговорить мы так и не успели. В ту же столовую после приглашения служки вошли трое мужчин – они низко поклонились Ноттену, но отчетливо посматривали на меня.

– Доброе утро, уважаемый айх! – сказал старший из них – тот, что стоял в центре. – Приносим свои извинения за то, что не даем спокойно потрапезничать. Но… как видим, девица господина Тейна уже в полном порядке. Можем ли мы забрать ее, чтобы не доставлять вам больше неудобств?

Ноттен закатил глаза к потолку и приглашающе махнул гостям присоединяться к столу, но они на этот жест не отреагировали, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу в проходе. И в этот миг мне показалось, что айх Ринс в чем-то был прав: как-то сложно себе представить, что кто-то вот так же вламывается к чернокнижнику и неестественным фальцетом извиняется за неудобства. Но белый маг настолько добр, что позволяет любому желающему потоптаться на его миролюбии. Меня это разозлило больше, чем страх неожиданных изменений в судьбе.

Однако Ноттен пододвинул ко мне тарелку – мол, ешь и не возмущайся, а сам обратился к говорившему:

– Тебя же Драйком зовут?

– Драйком, айх! – тот снова поклонился в пояс.

– Драйк, неужели господину Тейну так отчаянно неймется заполучить еще одну служанку, что ты уже во второй раз приходишь?

Мужчина неловко мял в руках тканевую шапочку, которую за минуту до этого стащил с лысой головы.

– К сожалению так, уважаемый айх. В библиотеке рук не хватает, да и вас пора избавить от очередной нахлебницы.

– А от стеклянных гробов господин Тейн меня избавить не хочет? Их уже целая коллекция.

Мужик гоготнул:

– А гробы-то ему на кой бес? – сказал, но все-таки припомнил, с кем говорит, осекся и вновь заглянул в глаза магу с уважением: – Оставьте гробы себе, уважаемый айх, простым людям бездушные штуковины непонятного назначения все равно без надобности.

Я долго смотрела на круглое задумчивое лицо Ноттена, потом перевела взгляд на трех служанок, замерших за его спиной в ожидании любого распоряжения. Все незнакомые – вчера за ужином прислуживала не одна из них, а с ванной мне помогали опять другие. И стало понятно: у белого айха здесь приют всех обделенных; да вся столица к нему бы переселилась, если бы смогла уместиться в этой башне. Дело не в жаловании, а в физической невозможности пристроить рядом с собой всех желающих. Потому Ноттен и размышляет – он не хочет меня отпускать, жалеет, однако притом я не перестаю быть «очередной нахлебницей». И вдруг я осознала, что со всей своей наглостью и эгоизмом конкретно его утруждать не хочу. Мне неприятно даже то, что из-за меня он вынужден переживать о правильном решении! И ведь знаю точно – если не сдержусь и брошусь к нему в ноги с мольбой, то толстяк не устоит, и уже завтра я буду стоять за его спиной во время завтрака четвертой служанкой, хотя тут и для двоих работы маловато. Не иначе, это снова все самое лучшее в моей душе всколыхнулось, и я уверенно ему улыбнулась:

– Я пойду с ними, айх Ноттен. Вы слышали о моей судьбе, вряд ли я не справлюсь с работой в библиотеке. Но мне бы хотелось хоть изредка вас навещать – конечно, если у вас будет для этого время.

Я все сделала правильно, раз в ярко-голубых глазах рассмотрела облегчение. Мужчины же торопили с решением:

– Господин Тейн велел туда и обратно… рук не хватает!

Ноттен снова посмотрел на Драйка:

– У твоего господина всегда какие-то проблемы. Это меня и страшит. Он глуп, но старается хитрить. Подойди ближе, посмотри мне в глаза и скажи: действительно ли Катю определят на работу в библиотеку? Нет ли у твоего господина мыслей продать ее в наложницы или сурово с ней обращаться?

Мужчина навис над ним и с усилием расширил глаза – показывал, что даже моргать не намерен.

– Клянусь, нет, уважаемый айх! Вы ведь бывали в архивах, видели тамошних помощниц. Девица будет только счастлива мыть полы и перекладывать свитки, а если грамотна, тогда вообще заживет прекрасной жизнью! Вам ли не знать, дорогой айх, что девушек в библиотеке хорошо кормят и не мучают, это могло бы сказаться на репутации заведения. Повезем девицу в повозке, выдадим платье по размеру и объясним, что делать. Будет стараться – так и беды не узнает, добрый айх!

Ноттен еще несколько секунд смотрел ему в глаза, но потом кивнул. Да и мне сразу стало спокойнее после услышанного: в прошлой жизни у меня толком и не было работы, а от такой я определенно не загнусь. И все-таки разговоры с Ноттеном сказались – не я ли вчера всерьез сожалела о том, что не зарабатывала честным трудом? Вот мне и шанс, вот и чистый лист.

Мне все же дали возможность закончить завтрак, но под нетерпеливыми взглядами рассиживаться не хотелось. Однако перед уходом я не удержалась и все-таки обняла толстяка – вряд ли мой статус позволял такие вольности, но уж очень захотелось это сделать. И он не оттолкнул, обнял в ответ и утешительно напутствовал:

– Постарайся, Катя. Поначалу у тебя вряд ли будет свободное время, да и мне пора делами заняться, а потом забегай – потешишь старика сказками о вашем укладе.

Увели меня босую и в его рубашке – длинной, почти как платье. Но на это никто внимания не обратил, не стала и я. Отметила только, что камни холодные, а лестница вниз казалась бесконечной, потому и спешила за Драйком быстрее. Повозка действительно ждала возле входа, а мне было интересно осмотреться. Но я лишь увидела круп лошади впереди, как меня довольно грубо запихнули внутрь.

Драйк и два его помощника втиснулись за мной, и нельзя сказать, что здесь хватало пространства – сразу стало тесно и душно.

– С ума сойти! – чем-то восхитился один из тех, что до сих пор не подавали голоса. – Свой серебряный ты отработал, господин Тейн будет очень доволен!

Повозка тронулась, а Драйк вообще теперь показался мне каким-то перепуганным и веселым одновременно:

– Да я чуть язык себе от волнения не откусил!

Но третий расслабленно отмахнулся:

– А что тебе грозило? Добряк Ноттен в самом худшем случае в шею бы прогнал, даже пинка бы под зад дополнительно не выписал…

– Не только, – покачал головой Драйк. – Еще и понял бы, что появились новые амулеты, – он вынул из-за воротника уродливую металлическую штуковину и с любовью ее поцеловал. – Господин Тейн айху Ринсу столько денег за него отвалил, но боялся, что не сработает. Но вы видели, видели же?

– Видели, – поддержал его товарищ. – Ты спокойно заливал в уши Ноттену, но тот лжи не почуял. Серьезная штука… с такой и на преступления пойти можно, никто не заподозрит!

– Ага, – последний выглядел самым унылым из компании. – Только на допросе с тебя побрякушку-то снимут, и тогда белый айх все твое нутро увидит. Мне как-то не по себе, ребят, и там было не по себе, а сейчас еще хуже. Ноттен жену мою с того света вытащил, а я стоял и смотрел, как святому человеку в глаза врут.

На него друзья уставились и долго молча смотрели. И он неожиданно сам усмехнулся:

– А, всё, отпустило! Работу надо доделать, господин всем нам награду обещал. Жена-то живет и здравствует, тварь злобная, сам бы прибил. Ух, вот это у айха белая сила – аж почти осовестивился! И так время потеряли, а эту еще и продать проблемой станет. Может, с нее рубаху-то не снимать, авось кто и обманется…

Я вся сжалась, но внимательно слушала их веселые разговоры: о том, как Тейн будет доволен, о том, что верный Драйк в очередной раз доказал свою

полезность и о многом другом. С непривычки от тряски подташнивало, но я не обращала на это внимания, уже догадываясь – библиотеку мне даже не покажут. И, почти в точности как последний мужик, постепенно возвращалась к предыдущим настройкам и выводам о жизни: добро никогда не оборачивается добром, а уважение вызывает только жестокая сила. Это даже в их интонациях звучало: о Ноттене говорили с усмешкой, а Ринса поминали с боязливым придыханием. Вот и все приоритеты. По силе каждый из айхов мог стереть этих ублюдков с лица земли, но разница в том, что один даже пинка не захочет дать, а второй будет только рад повеселиться.

Меня крупно трясло, горло давило страхом, но, зажатая со всех сторон в повозке потными смеющимися мужиками, я не имела возможности даже для попытки сбежать.

Глава 4

Дальнейшее выходило за все рамки моих представлений о реальности, а я и раньше видела ее только в черно-серых тонах. Меня вытащили из повозки и поволокли к какому шумному сборищу, рывком стянули рубаху и толкнули на небольшое деревянное возвышение. Я долгое время от ужаса и стыда ничего не могла понять. Но время шло и постепенно подкидывало детали.

Мы находились в гигантском помещении со множеством выходов без дверей. Люди входили и выходили – в основном мужчины. И нельзя было точно сказать: они покупатели, или просто заявились поглазеть. Пытаясь сморгнуть муть от невозможного унижения, я кое-как стояла на ногах. На постаменте я вовсе не была в одиночестве, рядком выставили еще пару десятков таких же обнаженных женщин и совсем молоденьких девушек. Некоторые из них тихо плакали, а некоторые, наоборот, стояли с прямой спиной и почти с гордостью демонстрировали свои прелести. Вот мне и рынок наложниц, других доказательств не требовалось. Господин Тейн решил просто продать девку, которая так кстати подвернулась под руку.

Мне в какой-то степени повезло – почти никто не уделял мне пристального внимания. А других женщин покупали. Первыми уводили обладательниц самых пышных форм, теперь мне стали очевидны местные стандарты красоты. На

место купленных иногда ставили еще женщин. Драйк подошел со спины, схватил меня за плечи и с силой встряхнул:

– Не закрывайся! Я и так поставил цену намного ниже средней!

Решил, что уговаривать меня бессмысленно, и стянул кожаной веревкой руки за спиной так туго, что я взвыла.

А казалось, что я в жизни уже все видела. Но с этим просто не могла справиться – меня продают. Как псину. Осматривают брезгливо, смеются над худобой и проходят к следующим. В тюрьме плохо? О, такое не сможет сказать тот, кого вообще низвергли со статуса человека до состояния вещи.

Девушки заканчивались, нас оставалось все меньше. Самый некачественный товар, неликвид. Я даже немного успокоилась. Но ко мне все-таки подошел кривозубый коротышка и поинтересовался у Драйка:

– Вы ее с рудников притащили? Иль на еде экономили?

Драйк ответил раздраженно, ухватывая меня сзади за шею, чтобы стояла ровно:

– Дурак ты, господин хороший. Только глянь – волосы золотые, кожа чистая, глаза какие необычные. Ты такие видал? Приглядись получше, красавица!

– А ночью мне ее глаза щупать? – коротышка поморщился, но все еще не отходил. – Скинешь пять золотых?

– Скинул бы, да хозяин спасибо не скажет. Ты приглядись, приглядись, волосы-то как блестят. Длинные, густые, очень удобно за них держать…

Покупателя мои волосы явно не заботили:

– Девственница хоть?

Драйк пихнул меня еще немного вперед.

– Отвечай господину. Бесы знают, что там у тебя.

– Зубы там у меня, – я буркнула бездумно, но только красовалась – ужас парализовывал.

И в довершение моего унижения коротышка снизу потянулся ко мне и зачем-то попытался потрогать грязными пальцами. Он только коснулся бедра, но меня окончательно сорвало. Я не представляла, что буду делать дальше, но заорала, забилась и пнула недоросля в лицо. Получилось сильно, или он просто от неожиданности полетел на пол. Я попыталась спрыгнуть с постамента без надежды на успех – пусть лучше уж убьют, чем продадут этому уроду. Да хоть кому! Но Драйк перехватил и со злостью швырнул на пол. Его перекосило от ярости. Он сначала пнул в живот, но этого явно не хватило, чтобы успокоиться, потому ринулся ко мне и залепил кулаком в скулу. Следующий удар был таким мощным, что я опасалась, как бы глаз не выбил.

Я не выла от боли, хотя и перестала что-либо понимать. Меня и раньше били, бывало, и в этом случае лучше скрючиться и закрыть локтями живот, а руки завести вверх, чтобы голову размашистыми ударами не раскроили. А ведь несколько секунд назад хотела, чтоб убили, но рефлексы опередили мысли. Живучая ты, Катька Миронова, потому что на уровне подсознания приучена выживать. Только через несколько секунд дошло, что удары прекратились, два помощника Драйка налетели на него, останавливая. А потом сразу три лица наклонились надо мной.

– Теперь вообще не продадим, – сокрушался тот, кого я посчитала самым унылым. – Драйк, да что с тобой? У нее единственное достоинство было – личико, а сейчас все опухнет до состояния жабы.

Драйк опомнился и попытался умаслить коротышку-покупателя, но тот уже не хотел меня ни за какие деньги. Ругаясь и отплевываясь, покинул место торгов. Разъяренный Драйк скинул цену еще вполовину и теперь поддерживал меня под локоть, чтобы не упала, но надежду потерял и он. А один из помощников еще и подзуживал, будто специально:

– Кажись, пролетели наши серебряки мимо. Господин Тейн теперь и не вспомнит, что утром отличились. Через пару цинов продажи закроют, а завтра она еще хуже выглядеть будет, когда рожа синеть начнет.

Драйк в ответ только зубами скрипел. Но, к счастью, больше не бил. У меня и без того все тело болело, а левый глаз почти заплыл растущей на скуле опухолью.

Покупатели почти закончились, остались только зеваки. И один из них направился к нам. Мужчина лет пятидесяти – полный и чисто одетый, хотя и нельзя было по одежде сказать, что богат.

– За три золотых отдадите? – поинтересовался деловито. – Или вы битую надеетесь по полной цене продать?

– Ну ты уж загнул… – протянул Драйк неуверенно, затем еще неувереннее запел: – Давай хотя бы семь. Ты только присмотрись – волосы золотые, кожа чистая… Ты не гляди, что дикая, обучишь!

Мужчина перебил:

– Да мне не для утех. Супруга жалуется, что в хозяйстве помощь нужна. Вот смотрю я – если дешево, то чего бы и не взять? А у меня только три монетки, так что торговаться не смогу. Да и не продадите вы ее для утех – у девиц из диких земель нередко фигура такая: не откормишь, сколько ни корми.

Драйк долго думал, уставившись в пол, а потом нехотя кивнул:

– Бесы с тобой, забирай. Может, хоть горшки чистить сгодится, – и тут же цикнул на помощника, который пытался возразить. Но тот и не настаивал, тоже понимал, что господин Тейн так разозлится куда меньше, чем если меня в подобном виде ему покажут.

– Одёжу хоть какую дайте, – попросил мужчина, вытаскивая из карманы монеты. – А то супруга мне лицо подчистит, если я голую деву в дом приведу.

Если честно, то я невообразимо обрадовалась. Надо же, еще недавно задыхалась от мысли, что меня продают, а теперь радуюсь, что купили. Все познается в сравнении. Этот вроде бы спокойный, рассудительный и не похотливый. Для помощи в хозяйстве – можно. А если невыносимо станет, то сбегу и сразу полечу к Ноттену. За несколько часов я здорово переосмыслила свою наглость и возможность пользоваться чужой добротой.

С каждой минутой я убеждалась, что мне повезло. Господин Нами, как он представился, оказался не самым худшим вариантом. Через полчаса я готова была вернуться к Драйку и искренне поблагодарить его за избиение, которое спасло меня от куда худшей участи.

– Даже обувки нет? – хмурился Нами. – Ладно, зайдем сейчас в лавку, купим что-нибудь. А одежду тебе дочка отдаст – у нее полно старого хлама, выкинуть жалко. Как тебя называть-то?

– Катерина. Катя.

– Кати? – неверно расслышал он и повторил по-своему, с ударением на первый слог.

Когда он распутывал веревку на моих руках, я не сдержала любопытства:

– Не боитесь, что сбегу?

– Куда тебе бежать-то? На родину? – он и сам не представлял, насколько в яблочко попал. – Если уж из диких земель кто в столицу попадает, так здесь и остается. А я человек добрый, чего еще тебе надо? Я на тебя три золотых потратил, так потрачу и четвертый, чтобы маги тебя отыскали. Но тогда уж я добрым быть перестану.

Вот оно как устроено, не знала. Бежать мне разве что к Ноттену, но теперь было понятно – белый маг в этой ситуации ничего не сделает. Разве что на Тейна разозлится за обман, помогать ему в чем-то откажется или еще что-то сделает, но на моей судьбе это уже никак не отразится – я была вещью одного господина, которую честно продали другому господину. Да еще и не самому худшему. Нами вел меня по шумному рынку, а я даже не осматривалась – стыдно было от своего вида и от покорности, с которой плетусь за хозяином. Мне понадобится куда больше времени, чтобы перестроиться к нравам этого мира, чем казалось в первый день.

Господин Нами купил удобные башмаки, а потом и повел в лавку к аптекарю, где долго торговался с продавцом за какие-то примочки и тыкал пальцами в мое опухшее лицо. Было понятно, что они хорошо знакомы и что мой новый владелец считает каждую монетку. Или просто прижимистый.

Позже выяснилось, правдиво и то, и другое – господин Нами держал маленькую бакалейную лавку, потому по роду профессии был расчетливым, однако и огромным богатством похвастаться не мог. Дом его был таким же добротным, как сам он, – не слишком большой, без изысков, но крепкий и аккуратный, что бросалось в глаза уже с самого забора. Жена у господина Нами оказалась невероятно красивой женщиной, ее годы не испортили, а добавили очарования лицу и круглости формам. Она поворчала совсем немного, не оказались бы траты лишними, но услышав от мужа, как меня избивали, поспешила сопроводить меня в комнатушку для слуг и пообещала три дня покоя на выздоровление. Мне отдышка была необходима для другого – наконец-то нормально осмотреться и освоиться.

Я послушно прикладывала примочки к синякам, а сама улавливала каждую деталь. Поселили меня вместе с единственной до меня прислугой в доме – старой поварихой, которая была вечно занята на кухне, но вечерами охотно отвечала на все мои вопросы. Она же буквально и придумала за меня всю легенду:

– Из диких земель в Лейду иногда приходят за счастьем. И вот оно – счастье, – она двойным подбородком указала на все еще опухшую мою скулу. – У вас же нет статуса граждан, потому попадаете сначала под покровительство, а затем в рабство. Сама же, поди, и согласилась за кусок хлеба стать чьей-то собственностью?

– Согласилась, – я ничего не отрицала.

– И что, Кати, рада теперь? – она упорно коверкала мое имя, как и все в доме, делая его созвучным с каким-то из их имен. – Неужели дома было настолько плохо?

– Я бы не хотела об этом вспоминать, – мой самый частый ответ на все ее вопросы.

Зато она и собственные глаза давали мне все больше пищи для размышлений. Лейда – столица одного из крупнейших государств мира – считается у них чем-то вроде экономико-политического центра, сюда стараются попасть все, причем часто плюют на потерю статуса. Потому что здесь жизнь кипит, больше возможностей и здесь же сильнейшие маги – в случае беды есть хотя бы

возможность спастись, в отличие от небольших поселений, где ни толкового образования, ни выбора. Ситуация смутно напоминала мой родной мир. Рабство распространено, но долговое или добровольное – когда человек сам соглашается на потерю свободы в обмен на покровительство. Или наследственное – потомки рабов, захваченных во время военных кампаний, так и остаются собственностью владельцев. До реформ или хотя бы «восстания Спартака» это общество бесконечно далеко.

Среди рабов и наемной прислуги, к которой относилась и сама моя новая знакомая, существует явное деление хозяев на добрых и злых. Господ Нами определенно можно было отнести к добрым, хотя до сих пор они рабов и не покупали. Обычные зажиточные горожане, не наслаждающиеся своей властью, знающие тяжесть труда и довольно человечные, но терпеть непослушания не станут, хотя бы потому, что не имеют возможности кормить лишний рот без соответствующей отдачи.

Во время этого «отпуска» я имела возможность ходить по дому и выглядывать во двор. Семейство Нами любило заниматься хозяйством, но много времени отнимала их лавка, потому они часто отсутствовали. Отношения между ними были явно теплыми, что внушало надежду и мне, а два их чада тоже лично меня никак не донимали: дочка примерно моего возраста, внешностью явно не пошедшая в мать и откровенно несимпатичная, почти постоянно возилась в саду, а младшего сына я вообще ни разу не видела – кухарка объяснила, что мальчик занемог и слег с простудой. По ее же словам, ничего опасного, раз родители не зовут магов.

Про Ринса и Ноттена не удалось выведать ничего нового. Второй – добряк и святой, а черный айх погряз в грехах и похоти. Слухи о том, что он берет наложниц сотнями и те потом бесследно исчезают, лучше лишний раз не обсуждать – у него природа такая, ее не изменишь, а государство держится на белой и черной силе в равной степени. За что потащат на казнь обычного смертного – черному айху прощают заочно. Даже корона не осмелится сделать из него своего врага и благодарит, что он хотя бы бесчинствует только в собственном замке.

Проблемы у меня начались после выздоровления. Честное слово, я настраивалась на то, чтобы прижиться в этой явно благополучной семье, на свободу пока рассчитывать не приходилось. И старалась не задумываться о том, что буду работать за еду и одежду, не получая даже монетки. Я – просто

рабыня, а к этому состоянию привыкнуть не так-то просто, как кажется на первый взгляд. Особенно человеку, который и раньше-то не слишком любил жить по правилам. Мне, например, в отличие от той же кухарки, даже не позволялось разговаривать с дочерью господ, если та сама не обратится. Я просто предмет мебели… но с целым ворохом обязанностей.

Так хотелось, чтобы меня пристроили на кухне, – добродушная болтушка чему-то научила бы. Но приходилось ориентироваться самой. Если с уборкой я худо-бедно справлялась, то какие-то вещи не могла самостоятельно постичь: откуда мне было знать, как готовить смесь из льняного масла, золы и песка для чистки котлов и чайников? Как без объяснений я могла подшить длинное платье молодой госпожи, если до сих пор этим никогда не занималась? Уже через несколько дней хозяева выражали сдержанное недовольство, даже не замечая, сколько усилий я прилагала, чтобы быстрее научиться. От порошка для чистки серебра кожа на пальцах пошла волдырями и начала лопаться. Кухарка, едва сдерживающая раздражение, с негодованием указала на специальную мазь, превращающуюся в тонкую пленку и защищающую руки при работе.

Ночами хотелось плакать, но я сжимала зубы и настраивалась: научусь, изменюсь и покажу, чего стою. Ведь постепенно привыкаю! Не пройдет и месяца, как я за пять минут буду подшивать платье, а порошки для чистки стану отличать по одному запаху. Радоваться оставалось тому, что никто о продаже другим господам прямо не говорил, будто их терпение было безграничным. Или тревожили их заботы поважнее меня.

Примерно через неделю пребывания в доме Нами я поняла причину и общего угнетенного состояния семейства, и того, что моей персоной почти не занимались. Я убирала тарелки после ужина, когда услышала разговор.

– Дорогой, следует позвать хотя бы аптекаря, пусть он посмотрит, – тихо говорила госпожа Нами. – Жар не спадает, мы очень рискуем.

– Папочка, – подала голос дочь, – у Дорина темные пятна по всему телу, никакие примочки не помогают…

Это они о сыне – шестилетнем мальчике, который так и не показался ни разу из своей спальни. С ним часто сидела сестра или мать, и, похоже, состояние только ухудшалось. Я никак не могла понять, почему они не зовут мага – неужели даже

на этом экономят? На этот раз господин Нами нехотя согласился, что пора обсудить здоровье ребенка с кем-то из лекарей.

Причина их скрытности обозначилась вечером следующего дня. Я как раз заканчивала с огромной сковородой в судомойне, когда услышала шум и голоса. Пожилая служанка сделала страшные глаза и показала мне на другой выход – сама метнулась туда же. Я же замерла на месте, поскольку узнала голос.

– Господин Нами, отойдите в сторону, – айх Ринс говорил с расслабленным раздражением.

– Это простуда, уважаемый айх! – в голосе госпожи я слышала сдерживаемые слезы. – Простуда! Мы просто хотели удостовериться, потому и обратились к господину Ивонну. Сын всегда был слишком слаб, вот поэтому…

Айх перебил нетерпеливо:

– Простуда с черными пятнами? А если так уверены, тогда в чем проблема? Пусть помирает от простуды, но в столице только вспышки чумы не хватало.

Они стояли как раз рядом с кухней – в большой прихожей с диванчиками и зеркалами. После последнего заявления все притихли. Слова «чума» до сих пор из них никто не произносил. Но не потому ли так отчаянно боялись даже аптекарю сообщать о болезни ребенка? Я похолодела и теперь не смогла бы уйти, поскольку ноги перестали слушаться.

Первым взял себя в руки отец семейства, но голос его звучал непривычно сдавленно:

– Прошу сюда, айх Ринс… сын не встает с постели.

Мужчины ушли, а госпожа с дочкой ввалились в кухню – бледные, трясущиеся. На меня они не обратили внимания – просто взялись за руки, поддерживая тем самым друг друга и ожидая решения. Мне очень хотелось что-то им сказать, но нет таких слов, которые могли бы подбодрить в такой момент. Слово «чума» повисло в воздухе и давило черной густотой на голову.

Глава 5

Вердикт не заставил себя ждать. Айх Ринс появился на кухне через несколько минут. С той же самой повязкой на глазах. Я бездумно вжалась в стену, хотя знала – он видит все, если хочет видеть. Однако чернокнижник на меня не глянул, обращаясь сразу ко всем своим чистым и чрезвычайно равнодушным голосом:

– Это не чума.

Мать покачнулась, выдыхая, а ее дочь запричитала, прижимая ладони ко лбу: «Слава богине, слава богине».

Айх продолжил в тон ей, а на его губах заиграла кривая улыбка:

– Точно, слава богине. Это проклятие – вашего Дорина прокляли, и он умрет дня через три-четыре. Заклинание грубое, но прочное, так что вы сильно преувеличили про его слабость: слабый ребенок умер бы позавчера.

Госпожа Нами вновь застыла, вытянулась вся, но этим вызвала только усмешку неприятного гостя:

– И чего так бледнеть? Я утром вызову сюда айха Ноттена, он поможет привести мальчишку в порядок. Но его усилия будут напрасны, если проклятие не снять. И если не вычислить вашего врага – ведь проклятие можно создать снова, если вы кому-то так сильно перешли дорогу.

Господин Нами сделал к нему шаг, преданно заглядывая в глаза:

– Сколько это будет стоить, айх Ринс? Я соберу любую сумму, только помогите.

Ринс лениво осматривался – вероятно, прикидывал стоимость своих услуг. Я не могла сдержать рвущейся наружу злости, даже ладонью рот зажала, чтобы ничего вслух не сказать. В такой ситуации он шутит, издевается над людьми, прикидывает, что сможет с них содрать за спасение ребенка… Показалось, что как раз в этот момент он мазнул взглядом по мне, но не стал задерживаться –

скорее всего просто не узнал. И рассуждал демонстративно медленно:

– Заплатите Ноттену, а то он со своей добродетелью скоро по миру пойдет. Я не против сменить напарника, но вряд ли следующий будет сильнее или умнее, а работать со слабыми и глупыми – себя не уважать. Я могу найти и мага, наложившего проклятие, и заказчика, но у меня натура такая – ничего не делать просто так.

– Что угодно… – вторил господин Нами. – Что угодно, дорогой айх!

Гость остановил взгляд на дочери и осклабился. Он опустил лицо ниже, словно рассматривая ее. Девушка отступила и сжалась, бездумно закрылась руками, будто была голой. Даже мне стал понятен жуткий намек.

– Нет… – выдохнул ее отец и затараторил быстро, почти повиснув на руке айха. – Пожалуйста, нет! Дочка моя очень тиха, невинна и послушна, она станет прекрасной женой для кого-то! Уважаемый айх, прошу вас о милости, ее потом ни один благородный человек замуж не возьмет…

– И что? – Ринс повернул к нему лицо. Он словно давал выбор отцу: пусть или младший сын умрет, или дочка расплачивается своей невинностью.

Голос мужчину подводил:

– Милости… прошу…

И его жена очнулась – подлетела с другой стороны:

– Милости, айх!

На нее он смотрел с той же иронией, но в улыбке появилось больше настоящего – ему явно нравилось, что он видит. Госпожа Нами в свои годы поражала привлекательностью. Он наклонился к ней и прошептал почти в самые губы:

– Договорились. Если через миг здесь кто-то еще останется, то я решу, что они хотят посмотреть. Или присоединиться.

Господин Нами схватил дочь за руку, кинулся ко мне и тоже зацепил за локоть, утаскивая нас обеих. Я же всё оборачивалась – успела заметить странное: Ринс стягивает с глаз повязку, а женщина, как загипнотизированная смотрит на его лицо, приоткрывает рот… и я не видела на ее лице прежних переживаний, страха или отвращения…

– Иди к брату! – рявкнул Нами на дочь. – Скажи ему, что все будет хорошо!

Девушка убежала, едва сдерживая рыдания. Я же смотрела на мужчину, который просто сползал по стене вниз, зажимая руками голову. Он любит супругу, это и раньше было ясно. Как и теперь ясно, что там происходит. Уже через минуту раздались женские стоны, которые становились громче. Госпожа не притворялась, она будто сходила с ума от удовольствия. Боже, зачем она так? Неужели не может сдержаться, пока ее там, в ее же собственном доме, почти при любимом муже… Я просто не могла уйти – надо увести мужчину отсюда, чтобы он хотя бы этого не слышал. Происходящее было до омерзения отвратительным даже для меня. Не представляю, что чувствовал он. Попыталась поднять его за плечи, но Нами еще сильнее зажал руками уши и зажмурился. С каждой минутой и с каждым стоном нам обоим становилось только хуже.

Наверное, мне еще далеко до понимания правил этого мира, я ориентировалась на привычные:

– Господин, давайте я отведу вас в комнату. У вас не было выхода, а она… – я посмотрела на дверь в кухню. – Ей, похоже, не делают больно… И у нее тоже не было другого выбора.

Слова были неподходящими, все – неправильными, Нами от них вообще взвыл:

– Ненавижу… как же я его ненавижу… Мы игрушки… все для него игрушки… Ненавижу его…

«Его» – не «ее», а это хороший знак. Но зачем же она так сладостно стонет, если ее просто заставили? Тут и захочешь притвориться, что происходит изнасилование, но никак не получается. Я подумала, что к этой ненависти – именно к айху – и надо взывать:

– Он просто чертов мерзавец, господин, и не вы, не ваша жена ни в чем не виноваты. Вы вынуждены это терпеть, пережить как-то… Вы бессильны…

И вдруг мужчина оторвал руки от головы и посмотрел на меня. Я не сразу распознала во взгляде ненависть.

– Чего ты лезешь?! – заорал он, а потом вскочил на ноги, хватая меня за шею. – Чего ты ко мне лезешь, бесова безрукая дура?!

Он тащил меня на темный двор. Случилось то, чему я и раньше бывала свидетелем: слабость, перерастающая в ярость. Невозможность отыграться на сильном противнике, потому отыгрываются на том, кто ответить не может – просто выплеснуть эту чудовищную боль, причинив боль кому-то другому. И дело было далеко не в недовольстве моей исполнительностью, я просто стала спусковым крючком. Но на ходу мне припоминали все недоделки по хозяйству и последнее любопытство, заставившее остаться на кухне и стать свидетелем его бесконечного позора.

Нами бросил меня на землю, схватил тонкий прут из-под яблони, размашисто ударил по боку. Я не скрючилась привычно, а попыталась встать – он на самом деле не жестокий человек, просто сорвался, а значит, можно еще как-то остудить. Но он ударил снова, теперь по спине. Удары были не сильными – в этом человеке попросту не было столько злости, чтобы желать убить меня на месте. Потом он откинул палку, схватил за волосы и дернул вверх, чтобы заглянуть в лицо.

– Я пожалел тебя! Пожалел! Притащил в свой дом, а ты чем отплатила?!

Я запоздало вспомнила объяснения Ноттена:

– Это потому, что он снял повязку… Господин Нами, это не вы сейчас, это его влияние… он вытаскивает из людей все самое худшее… он…

– Да много ты понимаешь! – снова взревел он, но по лицу так и не ударил – едва держался, сжимая кулак.

Было очень заметно, что он разрывается между двумя гранями: своей добродушной натурой и болью, стократно обостренной черной магией в доме. Потому все еще держит за волосы и хочет стереть меня с лица земли, однако знает, что уже через несколько минут об этом пожалеет.

– Развлекаетесь? – раздался позади знакомый голос. – Господин Нами, вам кнут подарить?

Меня тут же отпустили, я перевернулась. На айхе снова была черная повязка. И вообще ничего в его облике не подсказывало, чем он только что занимался. Господин Нами смотрел в землю, не в силах глянуть на своего настоящего обидчика, а потом и вовсе принялся оправдываться:

– Моя рабыня плохо справляется с обязанностями, айх… И… это… Я имею право учить ее уму-разуму…

Теперь айх точно смотрел прямо на меня.

– Догадываюсь, почему она плохо справляется. Как ты здесь вообще оказалась?

Я не ответила, зато поднялась на ноги и принялась спешно отряхиваться. Айх снова посмотрел на Нами.

– Ваш сын почувствует себя лучше примерно через полцина, а Ноттен утром устранит все последствия, когда из крови пропадут следы проклятия. С заказчиком я разберусь завтра до обеда, больше вас тот же человек побеспокоить не сможет, слово айха. И да, конкуренция в торговле – она такая. В следующий раз не тяните, вы сильно рисковали.

– Б… благодарю, айх.

– За сколько вы ее купили?

Господин Нами глянул на меня – и в его глазах я теперь видела сожаление за вспышку ярости и непонятный страх. Оставить вопрос айха без ответа он не мог:

– Три золотых.

– Здесь десять. Вроде бы, – Ринс вынул из кармана горсть монет и бросил ему под ноги. – Мне нужна рабыня, я одну три дня назад убил за подгоревший завтрак. Продадите?

Мой господин судорожно сглотнул и на меня теперь не смотрел.

– Уважаемый, – это слово ему далось с явным трудом, – айх, я должен сказать, что Кати плоха в работе, вы будете ею очень недовольны… Терпел я ее лишь по причине, что с дочкой она моей сдружилась, – судя по тому, что Нами начал врать, его волнение за меня было натуральным. – А по правде, не работница, только нахлебница! Говорю это из благодарности за вашу помощь…

– Это уже мои проблемы, господин Нами. Не так ли?

– Конечно, – тот смирился окончательно. Его гордость растоптали задолго до этого момента.

– Превосходно. Надеюсь, больше не увидимся. Ну же, господин Нами, это повод возликовать.

Айх подошел ко мне слишком близко и чуть наклонился – повязка оказалась сантиметрах в десяти от моих глаз.

– Идем, пришелица. Ты мне не нравишься, чтобы брать тебя в наложницы, на кухне от тебя, боюсь, еще меньше толку. Но, может, хоть что-нибудь интересное случится – судьба никогда не сталкивает меня дважды с ненужными людьми.

Он пошел в темноту. Я все еще заторможенно смотрела на профиль господина Нами, но он уже попытался меня спасти и не смог. Неожиданно сдавило воздухом, как в петлю поймала невидимая рука, и она потащила вслед за новым владельцем, не позволяя даже носками касаться земли.

Глава 6

В карету я так и влетела – спасибо, что не со всего размаха, хотя со мной явно не церемонились. Ринс вошел следом и сел напротив. Я прикрыла глаза, после чего с нарастающим волнением ощущала, что повозка плавно поднимается вверх – это ощущение лифта вряд ли можно с чем-то перепутать. Забывшись, наклонилась к окну и отодвинула темную занавеску, убеждаясь в своей правоте. Попутно отметила, что воздух отпустил, мое тело больше ничем не сдерживалось. Говорить первой ни о чем не хотелось, я вообще бы предпочла никогда не общаться с этим человеком, потому сосредоточилась на созерцании уплывающих вниз крыш. Жаль, что темно, масштабы огромного, но приземистого города можно оценивать только по огням в окнах домов.

– Зря, – его голос заставил вздрогнуть. – Лучше не смотреть вниз, у большинства людей с непривычки возникает неконтролируемый страх.

Помолчала несколько секунд, а затем решила, что строить из себя немую очень глупо:

– Я однажды летала на самолете, а многие здания у нас почти достигают этой высоты.

– Что такое «самолет»? Ноттен здорово подправил твою речь, но некоторым словам разум не может подобрать определение.

На него я не смотрела – только с мысли собьюсь, если снова начну разглядывать черную повязку на глазах.

– Повозка… – я пыталась подобрать правильное описание, – очень большая. Она поднимается в небо другой магией.

– Магией? – он будто усмехнулся. – Эту карету сейчас несут элохи, никакого колдовства.

Я от удивления немного высунулась в окно и обмерла, увидев впереди огромное размашистое крыло. Самого его обладателя изнутри разглядеть было невозможно. Сколько же их там – спереди и сзади кареты – если они так легко и плавно несут по воздуху тяжелый груз? От каждого маха лицо обдавало порывом ветра. Вот теперь мне стало страшно, и боязнь высоты проснулась. Все-таки непривычно полагаться на чью-то физическую силу. Теперь уже и в окно

смотреть не хотелось.

Ринс не улыбался. Но я была уверена, что смотрит на меня. Высокомерный мерзавец. Натура требовала хоть чем-то его уесть, но мозги подсказывали не нарываться. Я выбрала средний вариант:

– То есть вы своей магией не можете заставить повозку полететь, айх?

– Конечно, могу. Но мой статус требует иногда демонстрировать силу, а не практичность.

– Не понимаю.

– Поднять карету в небо намного проще, чем заставить элохов служить. Не просто служить, а быть в их преданности настолько уверенным, чтобы спокойно доверить им свою жизнь. Эта маленькая демонстрация силы заткнет рты всем, у кого они еще не заткнуты. Хотя о чем это я? Меня же все обожают.

– Ага, обожают, – пробубнила я под нос. – Просто боятся.

– А какая разница, Кати? – он произнес мое имя на тот же манер, который использовал господин Нами. – Ведь значение имеют поступки, а не мысли. Разве нет?

Я не могла с этим спорить хотя бы потому, что была отчасти согласна. Его ненавидят и, уж конечно, не обожают, но никто не рискнет выказать неуважения. Тему я, однако, продолжать не собиралась. Но он уже молчать, похоже, не хотел:

– Почему ты ни о чем не спрашиваешь?

– А о чем спрашивать?

– О своем будущем, например. Это должно быть интереснее, чем элохи.

Я вздохнула.

– Айх Ринс, расскажите мне о моем будущем. Зачем вы меня купили?

– Сам не до конца понял. Может быть, чтобы узнать о самолетах? Я придумаю тебе какие-нибудь обязанности, не переживай, – он сделал паузу. – Хотя ты не очень-то переживаешь. Из тех, кого я впервые веду в свой замок, один на десяток не бьется в истерике. И почти никто из этих смелых не доживает до конца первого рая. Случайность или закономерность?

Я напряглась, но ответила, глядя на повязку – будто в глаза ему смотрела:

– А какой смысл биться в ожидании беды? На везение я уже давно не рассчитываю. Мой пессимизм вполне можно приравнивать к реализму. У меня было два господина, и два раза меня побили. Случайность или закономерность?

– Мне нравится твое здравомыслие, Кати.

– Катя, – зачем-то поправила я. Сама почувствовала неуместность и добавила: – Меня так зовут. Звали. Хотя какая разница на фоне всего остального?

– И не нравится твой пессимизм, Катя, – теперь он произнес правильно, а в тоне появилась ирония. – Хорошее слово, ум не сразу подкинул его значение, но вышло очень ёмко. Итак, пессимизм? Вряд ли кто-то в здравом уме назовет меня лучшим господином в Ир-Раттоке. И вряд ли кто-то из попавших в мои руки скажет, что ничего от этого не получил.

– Даже та служанка, которую вы три дня назад убили? – припомнила я.

– Ну, она тем более ничего не скажет, – ответил и отвернулся к окну, теперь улыбаясь. Продолжил через пару минут тишины: – Тогда обговорим правила, раз уж я все равно недавно удовлетворил похоть, а заняться больше нечем. Слушай внимательно, Катя, дважды повторять не буду. Это вопросы скорее твоего выживания, чем моего настроения.

Он явно ждал какой-то реакции перед тем, как начать.

– Я слушаю, айх.

– Мне не дерзить. Но на вопросы отвечать – честный ответ на мой же вопрос дерзостью не считается. Лучше вообще никак не обозначать свое присутствие, – он усмехнулся занавеске на окне, – если, конечно, не хочешь получить лишнего внимания. Теперь к главному. В моем замке работает много людей. Но проблема в том, что это мой замок, – он выделил слово «мой». – Со временем все привыкают и различают, например, злость преувеличенную от злости обыкновенной. Но в начале ты тоже будешь испытывать слишком яркие эмоции – держи их в узде. Тебя или кого-то еще я оберегать не собираюсь, сами о себе позаботитесь: ругайтесь, деритесь, вступайте в близость, делайте что хотите, но убивать вправе вас только я. Потому не перегибай палку и на всякий случай запирай дверь в спальню на ночь. Именно из-за этой особенности моей магии у всех слуг отдельные комнаты – перестраховка от неконтролируемых эмоций. Не могу же я и спать в повязке, а некоторые особенно чувствительные натуры ощущают этот факт даже через стены.

По мере его объяснения мои глаза становились все круглее. А голос задрожал:

– Я не совсем поняла… Айх, вы хотите сказать, что все в замке превращаются в монстров, убивающих всех подряд?

Он снова повернул лицо в мою сторону.

– Необязательно в монстров. На поверхность вылезает разное. Вот что ты почувствовала, когда я снял повязку в доме Нами – ты обернулась, я видел. А значит, обязательно попала под влияние, как и наш милый рогоносец.

Я поморщилась, но начала припоминать:

– Я ощутила… ненависть, – все-таки закончила предложение, ведь он сам недавно упоминал, что на вопросы нужно отвечать честно.

– Ко мне, – он не спросил, просто констатировал. – И это все?

– Нет, – я отвечала искренне не только для него, самой захотелось разобраться. – Еще и приступ бесконечной жалости. Даже когда господин Нами меня бил, я готова была разрыдаться от жалости к нему. Тогда это казалось логичным… но теперь кажется странным – в момент, когда вы меня покупали, я должна была испугаться за себя в первую очередь, а не хотеть напоследок его обнять и хоть

чем-то утешить…

– А, – он выдал коротко. – Необычно. Но означает только, что ты считаешь жалость пороком. Даже стало интересно, какой жизнью ты жила до сих пор. Вот примерно так это и работает. Со временем ты научишься быть такой же в моем присутствии, какой была всегда, но поначалу это может сбивать с толку. Не только тебя – всех вокруг. Потому следи не только за собой, но и за остальными – и если кто-то заорет, что хочет разорвать тебя на куски, вспомни, что в тот момент ему это тоже может казаться логичным. Такое иногда случается, особенно с новичками. В общем, никому не доверяй полностью, отвечай за себя сама, никого не осуждай. Это и есть главные правила, кроме твоих обязанностей.

Мне хотелось нервно рассмеяться:

– Вы интересовались моей жизнью раньше – и только что ее полностью описали: не верь, не бойся, не проси. На этом все, айх?

– Почти. Я не совершу ошибку, отправив тебя в помощь кухаркам? Что ты все-таки умеешь?

– Воровать.

А что? И честно, и очень хотелось посмотреть на его реакцию. Ринс на несколько секунд замер, а потом рассмеялся, запрокинув лицо вверх. Смех пробирал до мурашек – его нельзя было назвать неприятным, но все же каким-то жутковатым. Я спешно добавила, пожалев об откровенности:

– И вы не совершите ошибку, отправив меня в помощь кухаркам!

Больше мы не говорили, а я сосредоточилась на своих ощущениях. Присутствие рядом черного айха давило, вызывало неприятные ассоциации и смутные страхи, но головы я не теряла – понятно, его воздействие в полной мере включается лишь тогда, когда он снимает повязку, а пока только тяжелая аура. Но тем не менее к этому чувству можно было привыкнуть, а значит, получится адаптироваться и ко всему остальному. И если абстрагироваться от моего отношения к этому негодяю, то можно признать: говорит он четко и по делу, холодно, но исчерпывающе предупреждает об опасностях. Если и жизнь в его

замке будет такой же понятной, то я имею шанс пережить следующую неделю.

Приземлились мы тоже мягко. Я выбежала из кареты, чтобы успеть рассмотреть наших «извозчиков» – так было любопытно. Ринс, к счастью, меня не останавливал, но зачем-то встал за моей спиной.

– Напрасно ты так на них пялишься, не зная традиций этого народа.

А «пялиться» было на что. Элохи оказались людьми! Ну, почти людьми – немного больше, заметно массивнее среднего человека, но когда они сложили крылья за спинами, то превратились в могучих мужчин с буграми мышц на руках и груди. Из одежды на них были только брюки из чего-то, похожего на замшу, и подобный наряд совсем не скрывал, а как будто даже подчеркивал мускулатуру ног. Глаза большие и зауженные, со вздернутыми вверх уголками – очень красивые и непривычные. Волосы у всех длинные, заплетенные в косы. Я никогда не была любительницей длинноволосых мужчин, но на фоне всего остального даже эти самые косы казались признаками мужественности. Их было четверо, похожих между собой, как братья… или мне просто так казалось из-за первого впечатления. Я не могла оторвать взгляда от ближайшего из них – русоволосого богатыря, до такой степени красивого, что захотелось к нему прикоснуться и удостовериться в его реальности. Не отвернулась, даже когда он явно заметил мое бестактное разглядывание.

Он шагнул в нашу сторону и произнес, обращаясь к Ринсу, а голос его оказался таким же глубоким и многомерным, как внешность:

– Владыка, как мне принимать внимание вашей рабыни? Дали ли вы ей это право? Даете ли право мне ответить ей?

– Никак не принимай, Скиран, она из диких земель, это был не призыв, а незнание. Ей я пока никаких прав не давал.

– Настолько диких, чтобы смотреть мне в глаза? – элох явно растерялся.

– Ты даже не представляешь насколько. Дикая дичь из дикой пустоши, где не видали элохов, – айх жестко подхватил меня за плечо и потащил к замку.

Теперь я увидела, что мы внутри огороженной высоким каменным забором огромной территории. Сам замок оказался высоким и не таким уж мрачным, как я могла предполагать. По крайней мере он был освещен магическими шарами, тянущимися к самой крыше. Почти новогодняя елка, если бы не масштабы.

– Элохам нельзя смотреть в глаза? – я решила уточнить, пока была такая возможность. И раз уж меня все равно волокли рядом, больно удерживая.

– Можно. В зависимости от твоих намерений. Если женщина смотрит в глаза мужчине – она призывает его, показывает, что выбрала своего самца, так у элохов заведено. Хорошо, что Скиран здесь давно, потому сначала задает вопросы.

– О-о, – выдохнула я, теперь и оглядываться на могучего красавца расхотелось. – Тогда благодарю вас, что ответили именно так! Мне действительно многое надо узнать, чтобы случайно не призвать никаких самцов.

Он вдруг остановился и удивил меня улыбкой.

– Благодаришь?

– Ну да, – я немного растерялась, особенно от того, что он все еще держал меня. – Мне кажется, что вы в каком-то смысле хороший господин – по крайней мере, даете мне возможность адаптироваться.

Он приподнял вторую руку и выставил вверх указательный палец.

– Во-первых, я на тебя потратил десять золотых… или около того. Небольшие деньги, но неприятно, если ты помрешь сегодня же. Во-вторых, я устал и не в настроении сегодня развлекаться, – он добавил средний палец, обозначая «два», и сразу же безымянный. – В-третьих, если завтра у меня будет настроение развлекаться таким образом, то я заставлю пятерых элохов иметь тебя в такие отверстия, о которых ты даже не подозревала.

– Что?!

Я попыталась вырваться, но он только крепче сцепил пальцы, а мой страх его, похоже, лишь позабавил:

– Ну, минимум один участник этой оргии не будет против – ты Скирану понравилась, иначе он и не стал бы спрашивать. И теперь, прежде чем меня за что-то благодарить, вспомни, что уже завтра можешь пожалеть обо всех благодарностях. Так что не трать слова попусту.

– Я запомню, – опустила глаза в пол, чтобы он в них не разглядел вспышку ярости – ни в коем случае не увеличенную его магией, а именно заслуженную.

– Идем, твоя комната там, – он повернул моим телом в левый коридор, не позволив даже холл осмотреть. – Кстати, а как ты оказалась в семействе Нами? Тебя же не выкрали у Ноттена? Тогда мою покупку посчитают незаконной, а я терпеть не могу, когда меня обвиняют в придуманных грехах, как будто своих не хватает.

Он толкнул четвертую по очереди дверь и только в комнатушке меня отпустил. Я невольно потерла локоть и отступила – сзади тут же зажглись фонарики, подобные были в башне Ноттена. Пространства здесь было немного, оно вмещало лишь кровать и узкую тумбу, оставляя свободным пятачок не больше метра. Но я радовалась отдельной спальне, заметила и засов на двери – почти амбарный, тут скорее окна вынесут разбушевавшиеся маньяки, чем смогут вломиться в дверь. Чисто, светло и уединенно, мне ничего больше и не надо. Но в данный момент сильно раздражала теснота – на этом самом пятачке мне даже отступить некуда от неприятного господина. А с такого расстояния и он казался огромным элохом, распахнувшим крылья.

Но Ринс не уходил – он задал вопрос и ждал ответа.

– Вы сами продали господину Тейну амулет для обмана айха Ноттена, насколько знаю, – начала я, а потом уже более уверенно изложила всю историю своей регулярной перепродажи новыми владельцами.

Он слушал молча и сосредоточенно. В конце – на его появлении в доме Нами – кивнул, мол, все ясно. И неожиданно сказал то, чего я никак не ожидала:

– Завтра до обеда я занят, а после смогу выделить пару цинов, чтобы спустить с Тейна шкуру. На Ноттене сработало? Надо же, я не был уверен. Расту.

Я бы многое отдала, чтобы сейчас оценить выражение его глаз – он так шутит?

– Айх… Вы продали господину Тейну амулет, он его использовал, и за это вы же его и убьете?

– Не убью, а спущу шкуру. Буквально. Ноттен потом залечит, все равно не выдержит. Он добр даже к своим обидчикам.

– Умопомрачительная логика! – не удержалась я. – Продать-наказать, продать-наказать. Удивляюсь, как у вас еще свободное время выдается.

Ринс усмехнулся – у него на самом деле приятная улыбка, если на секунду потерять разум и забыть, кому она принадлежит.

– Я продал амулет, прикрывающий любую ложь. А накажу за нарушение статусных границ. Государство держится не на королевской семье – замени любого из этих венценосных ошметков, никто и не заметит. Власть стоит на силе – двух айхах. Ноттен может быть какой угодно бесхребетной тряпкой, но он остается айхом. То есть даже попытка государственного переворота не выглядит так убого, как неуважение к одной из настоящих ведущих сил. В моих глазах, конечно. Но Тейну от этого легче не будет, и у других охотка надолго пропадет.

– Или для вас просто выдалась возможность поразвлечься? – я увидела в его словах не только поддержку напарника.

– Почему не совмещать приятное с полезным? Зверствовать во благо порядка – мог ли я придумать себе судьбу лучше?

Я развела руками, просто не зная, как на это реагировать. Однако на поверхность всплыла очень важная тема:

– Айх Ринс, а я могу спросить… о вас?

– Нет, – он повернулся к двери. – Я и так потратил на тебя времени больше, чем на любого слугу. Может, они поэтому мрут так часто?

Последний вопрос был явно риторическим. Через секунду я осталась в своем новом жилище в одиночестве.

Глава 7

Я не могла знать, когда айх снимает повязку, а по ощущениям ничего не замечала. В этом, думаю, и есть основная проблема – нет четкой границы «до» и «после», которая разделяла бы и отношение к собственным чувствам. Однако я и поздно ночью не наблюдала в себе ничего неординарного, не вызванного адекватной оценкой ситуации. Мне страшно, неприятно, тревожно из-за банального незнания многих вещей – и все эти эмоции полностью оправданы.

Захотелось в туалет. Я долго сидела возле запертой изнутри двери и прислушивалась к шуму в коридоре. В определенный момент все стихло – слуги разошлись по своим комнатам, но я на всякий случай выждала еще полчаса. Потом осторожно выглянула и обрадовалась полному безлюдью. Кралась все равно на цыпочках, так меня привел в тонус недавний разговор с айхом.

Нужная комната обозначилась почти сразу – я открыла большую белую дверь и некоторое время с недоумением осматривалась: здесь было все для удобства – множество изолированных кабинок, в каждой из которых находилось подобие унитаза и подобие ванной с той же системой наполнения, которую я уже изучила у Ноттена и Нами. Практически маленькие комнатки и тоже с запорами изнутри. Всё предусмотрено. Всё во благо выживания прислуги.

Я так же тихо вернулась в свою комнату, там уже успела в тумбе отыскать предметы первой необходимости – подхватила полотенце и сорочку, которая явно была мне не по размеру, зато до пят и застегивающаяся до самого горла, без намека на приталенность и фривольность: в такой и в монастыре можно прослыть самой пуританской скромницей. И понеслась обратно. После горячей ванны с душистыми порошками я ощутила себя заново рожденной, и за все время меня ни разу не побеспокоили, никто в ванный отсек даже не заглянул, а я тщательно прислушивалась. Хотя вряд ли стоит удивляться: если работы у

слуг много и встают они спозаранку, то не горят желанием блуждать по замку ночами.

Вышла в коридор почти расслабленно, но тут же об этом пожалела. Подскочила на месте и зачем-то начала оправлять и без того очень скромный ночной мешок, старательно отводя взгляд от раскосых глаз могучего элоха.

– Я напугал тебя? Прости. Меня зовут Скиран.

– Катя, – выдавила я.

И лучше бы смотреть в глаза, честное слово. Не так уж и жарко здесь, чтобы щеголять обнаженным бодибилдерским торсом. Я уставилась в стену – этот вариант показался менее энергозатратным. И, опомнившись, поспешила добавить:

– Извини за недавнее, я не знакома с традициями твоего народа… как айх и сказал.

– Я и не требовал от тебя извинений. Но мы можем общаться, Кати?

И снова я не стала поправлять, они как сговорились. Ринс упомянул, что я понравилась элоху. Может, и преувеличил, а может, сразу своим похотливым нутром чует, где гормоны готовы к бою. Вот только выбор у меня небогат, даже одиночки знают, что изредка необходим хоть какой-то круг знакомств – как минимум, для получения своевременной информации. А в моем случае любая информация запоздалая.

– Конечно, можем, – неуверенно ответила я. – Ты тоже живешь в этом крыле?

– Нет, – по голосу я догадалась, что он заулыбался. Интересно, а как их женщины у элохов выбирают себе пару, если до этого момента не могут нормально рассмотреть лицо? По форме сосков или количеству кубиков на прессе? Хотя и на моей родине некоторые дамы вполне готовы делать выбор только на этом основании… Скиран продолжал объяснять: – Все элохи живут наверху. Я спустился сюда в надежде увидеться с тобой. Богиня ко мне благоволит.

Понятно, значит, Ринс не ошибся. И как теперь себя вести? Друзья не помешают, но не хотелось бы нарушить еще пару десятков традиций, после которых этот гигантский симпатяга получит право делать со мной все, что заблагорассудится.

– Наверху? – я задала самый нейтральный вопрос из тех, что могла придумать.

– Да. Нам для попадания на крышу ведь не нужны лестницы. Хочешь, покажу?

Очень хочу. Очень! Стоп, крышу покажет? А-а-а. Да что это со мной? Я никогда не была озабоченной и падкой на мужскую красоту! А может, это и есть влияние айха? Сейчас некого ненавидеть, некого жалеть или что там у меня еще есть в арсенале, потому на поверхность всплыло обычное физическое желание? Осознание такой простой мысли неожиданно успокоило.

– Я бы хотела посмотреть и замок, и крышу. Но боюсь, не означает ли мое согласие на такую прогулку что-нибудь еще?

– Не означает, – он точно улыбался. – Я здесь восемь лет, потому давно привык к влиянию магии, об этом не беспокойся. И ты можешь смотреть на меня – я уже понял, что если твое согласие и прозвучит, то только очень конкретное. Так принято в диких землях?

– Да по-разному бывает… – неуверенно протянула я.

Сама оглядывалась на дверь своей комнаты. Идти с ним рискованно, но в тот момент больше страшило остаться в полной изоляции в незнакомом сообществе – примерно та же паника случается, когда человек впервые оказывается в тюрьме. Существование в любом месте невыносимо до тех пор, пока ты не знаешь правил игры. Потому я и расхрабрилась:

– Хорошо, пойдем, Скиран.

Элох зачем-то протянул мне руку, но я с улыбкой покачала головой. Мне здесь нужен союзник, а не обнадеженный крылатый спортсмен.

Но через несколько шагов по гулкому коридору я поняла, какую именно помощь он мне предлагал. В центре замка находился гигантский круг, распускающийся

во все стороны коридорами, а потолок так высоко, что и не разглядишь в полумраке. Освещение на ночь, похоже, приглушили, но оттого сама атмосфера стала мрачной, и рядом с темными стенами мерещились тени. Но стоило сделать шаг, чтобы убедиться: никого там нет, все стены испещрены витиеватыми росписями, а отсветы от редких магических шаров создают эффект движения.

– Я могу поднять тебя наверх сразу, – напомнил Скиран о своем присутствии. – Замок построен так, что крылатым для этого даже на улицу необязательно выходить. Вон там, – он поднял лицо вверх, – мы и живем, оттуда же есть выход в небо.

Понятно, что у него боязни высоты природой не предусмотрено, но мне стало не по себе даже от представления. В повозке ощущения были все-таки не такими острыми, или утешало, что рядом со мной сидел Ринс и рисковал тем же. Я улыбнулась громиле мягко, чтобы он не уловил в моей реплике недоверия:

– Мне нужно научиться здесь ориентироваться. Покажи лучше, как добраться на самый верх пешком.

– Тогда сюда, – он плавным жестом указал на один из коридоров, и уже в самом его начале я разглядела круглую лестницу, многократно огибающую виражами весь внутренний гигантский зал.

Много прошло времени, прежде чем я уже осознанно захотела забраться элоху на ручки и долететь за считанные секунды. Здание оказалось выстроенным конусом, потому каждая следующая окружность оказывалась короче предыдущей, тем не менее первый и последний этажи разделяли километры и километры ступенек. Я старалась не обращать внимания на утомление, ведь экскурсия оказалась полезной.

– Вон там столовая для рабов – не перепутаешь, очень изящная арка, – объяснял Скиран. – Из твоего коридора по лестнице всего один пролет. А там – крыло для временных слуг и сезонных рабочих, хотя оно почти постоянно пустует, но владыка не любит перемешивать своих и чужих. Свои знают о царящих здесь порядках, а пришлые с непривычки могут и наворотить дел. Себе же во вред.

От каждого этажа в стороны шли коридорчики – и их уже накопилось много. Пусть они всё короче с каждым подъемом, но комнат здесь, должно быть, сотни!

– Скиран, – я не могла скрыть удивления. – В замке живет так много людей?

– Нет, конечно, – он приятно рассмеялся. – Большинство покоев пустует. Людям даже неудобно жить на такой высоте. Но замок выстроен давно – может, тысячу лет назад. Кто знает, вдруг в те времена действительно требовалось столько прислуги, или здесь жили черные маги целыми племенами?

– Кто знает… – отозвалась я. – Вот я еще недавно считала, что для обслуживания жизни одного человека достаточно правой руки и левой руки. А оно вон как: рабы, слуги, отдельно рабочие, отдельно элохи.

– Статус черного айха диктует такие правила, даже если бы он мог обойтись вообще без рабов. Потому покупает время от времени – далеко не всегда из необходимости. Вот тебя почему купил?

Я остановилась, чтобы передохнуть. Подошла к деревянным перилам, глянула вниз и поразилась, как мы уже высоко. Обернулась к элоху, который даже не запыхался.

– Не знаю. А как ты понял, что я именно рабыня, а не служанка, например, которая может в любой момент уйти?

– Это просто. Владыка предпочитает покупать рабов, а не нанимать слуг. К последнему он прибегает только в случае крайней необходимости и обычно контролирует каждый их шаг, пока они не покинут замок. Предположим, нужно отремонтировать восточное крыло…

– Я поняла, – перебила, поскольку дошла до следующей мысли: – Если здесь погибнет раб, то объяснять это никому не придется, а вот если свободный человек…

– Тоже верно, – он медленно кивнул. – Я никогда об этом не задумывался, но мне и безразлично.

– Как это? Тебе безразлично, как твой «владыка» обращается с рабами? Серьезно? Ладно другие люди – своя рубашка ближе к телу – но за себя-то не страшно? За друзей своих, любимых, детей твоих будущих и их детей.

Его менталитет был бесконечно далек от моего, раз в моих словах он даже не расслышал вспышки раздражения:

– Элохи – не рабы владыки, потому наши дети вернутся в племя свободными. Ты, кажется, неправильно поняла, Кати.

– Не рабы? – я растерялась. – Вы служите ему за жалованье?

Он снова рассмеялся своим густым баритоном и потянул меня идти дальше.

– Мы служим ему по собственному выбору и договору. Элохи не могут быть чьими-то рабами, но и не нарушают данное слово. Рассказать подробнее?

– Уж будь добр, – я догоняла его, хотя ноги от перенапряжения дрожали.

– Это случилось пятьдесят лет назад. Племена моего народа часто воюют, и мое оказалось на грани уничтожения. Владыка, который по случайности оказался в тех краях, спас моих предков, но в обмен на услугу потребовал каждые десять лет отдавать ему сильнейшего из сыновей на вечное услужение.

– Еще бы он сделал что-то без выгоды… – протянула я. – И теперь ты обязан служить за дело полувековой давности? Без возможности вернуться домой?

– Обязан. И не только за прошлое, а за настоящее – сейчас мое племя растет и здравствует. Это достаточная плата… как ты там выразилась про рубашку?

Меня просто распирали эмоции. Это какая-то другая ветка психологии!

– Но это не возвращение долга, а бесконечная расплата, если условие служить вечно! И каждые десять лет еще поставлять ему новых слуг. И через сто, и через двести, и через тысячу лет будет так же? Айху Ноттену уже четыреста, а он молод и бодр, вряд ли черный айх протянет меньше.

– Слуг, но не рабов, для нас важны определения. Моя вечность короче его вечности, потому не вижу несправедливости. Если мое племя вымрет, то и договор разрушится сам собой. А если оно благоденствует, тогда и плата не

кажется непомерной, разве нет? Всего один воин каждые десять лет за то, чтобы жили сотни. Да и запросил-то за услугу совсем немного. Это потому, что в те времена владыка еще не был черным айхом, а только чернокнижником.

Я испуганно метнулась к нему, как будто всерьез собиралась закрыть ему ладонью рот.

– Тихо! Не говори это слово, Скиран! Нельзя!

А в голове сразу закрутилась паника: «чернокнижник-чернокнижник-чернокнижник». Элох вскинул широкие брови, а потом указал пальцем куда-то в центр здания на противоположную сторону.

– Покои владыки там. Он очень силен, но точно не может слышать всё, о чем говорят на расстоянии сотни шагов во все стороны. Иначе сошел бы с ума от голосов. Айх может слышать только призывы сильных магов, а в моей крови этого свойства не водится. Да и не было в моих речах оскорблений, э как тебя кто-то напугал.

Как будто зря пугали. Да этот монстр тысячи людей в страхе держит, и я не исключение, будь треклятый чернокнижник трижды проклят. Я предпочла сменить тему:

– То есть ты не раб? Служишь, но господин к тебе и другим элохам относится иначе и не может вас заставить делать то, чего вы никогда бы не сделали?

– О чем ты говоришь и почему краснеешь, Кати? – он приблизился ко мне, вглядываясь в лицо.

– Ну… Он вечером мне угрожал… или шутил, – я не хотела повторять слова Ринса, но потом все-таки решилась – лучше некоторые вещи знать, чем только предполагать: – Айх сказал, что может заставить вас… ну, спать с женщиной.

– Заставить? – он отвел взгляд и выглядел серьезным, ничуть не смущаясь двусмысленной темы. – А как можно мужчину заставить взять женщину, если он того не хочет?

И правда. Если физиология элохов не отличается от человеческой. Я громко, облегченно выдохнула. Но даже не успела освободить легкие от моральной тяжести, как Скиран добавил:

– Хотя он может воззвать к этому пороку, а похоть найдется в природе каждого… И тогда любой мужчина захочет, даже благодарить начнет. Не знаю, можно ли назвать это словом «заставить»…

Он размышлял сам с собой, а с меня хватило:

– Ладно, забудь. Скиран, кажется, я больше не способна идти дальше.

Мужчина расправил крылья, и одно даже на широкой лестнице врезалось в стену.

– Я могу повторить свое предложение. Это страшно только в первый раз.

Я прищурилась:

– А это не будет ничего значить для наших с тобой отношений?

– После того, как ты уже прямо смотришь мне в глаза? Нет.

Не знаю уж, насколько он серьезно. А может, у элохов юмор такой – произносимый с непроницаемым лицом? Но в нем я уже рассмотрела незаменимого информатора и надеялась рассмотреть товарища. Жизнь научила быть одиночкой, но никогда не пытаться выжить в одиночку. Жаль, если элох в моем желании разглядит что-то еще, а у меня не такой уж большой выбор.

– Хорошо. Только, пожалуйста, осторожно.

Сильные руки подхватили меня за талию, я невольно прижалась к мускулистой груди – кстати, ну почему хотя бы без майки? – и почти сразу ощутила порыв ветра. Всего полтора взмаха крыльями до самой верха, я даже вдохнуть не успела. В ушах застучало от прилива адреналина.

Здесь уже не было никаких коридоров, и я рассмотрела всего несколько дверей – широких и высоких. Наверное, специально для могучих крылатиков сделали. Но Скиран не дал мне возможности оглядеться, схватил за руку и потащил к одной из них – самой большой. Распахнул и приглашающе махнул выйти на обещанную крышу, хотя ее сложно было назвать именно так – здесь замыкался конус, а наружу тянулись небольшие выступы. Я с бьющимся все громче сердцем вышла на пятачок. Здесь сильно дуло, а вниз было страшно смотреть. Но я заставила себя сделать еще шаг и вцепилась пальцами в перила.

– Потрясающе… – выдохнула искренне. – Теперь я завидую твоему народу.

– Хотела бы быть одной из нас? Или это влияние владыки – у некоторых он вызывает приступы зависти.

– Вряд ли. И не из вас, а из твоего народа. Если уж выбирать, то я предпочла бы остаться бескрылой, чем в вечном услужении. А сейчас у нас с тобой больше общего, чем различного.

– Верно. И не стану лгать, что этому не рад.

Стоять здесь было страшно до одурения и до безумия любопытно. Сердце бы только из груди не выпрыгнуло. Но нужно было спускаться, вряд ли мне завтра предстоял простой денек.

– Скиран, – я позвала, не оборачиваясь, – если ты хочешь общаться, то я буду только счастлива.

– Я тоже буду, – ответил он.

И почти сразу раздался еще один голос, услышать который я не ожидала:

– Все счастливы, как я посмотрю, но меня разбудил призыв. Потому я не рад, а это обычно плохо заканчивается.

Я быстро повернулась. Айх Ринс стоял за опешившим элохом и был одет не в черную рясу, а в почти такие же, как у Скирана, замшевые брюки и белую широкую рубаху. К счастью для всех присутствующих, на его глазах была

повязка.

– Владыка? Да, я назвал вас чернокнижником, когда рассказывал Кати историю своего народа.

Я с уверенностью отметила, что элох удивлен появлению господина, но совсем не напуган. Ринс оставил его без ответа и повернул лицо ко мне.

– Был призыв. Наполненный злостью, но очень слабый и неразборчивый, без родового имени, но его вы и не знаете. Я проверил – в замке не спит только охрана, а в них я уверен. У элохов магии нет. Потому, Катя, задам простейший вопрос. Уверен, ты представляешь себе суть метода исключения. Среди твоих предков – может, очень дальних – были сильные маги?

– Нет, – мой голос дрожал от волнения. – Айх, в том месте, откуда я пришла, вообще нет магии!

– И по твоим глазам ничего не видно. Но ты пришла из настолько далекого места, что ни в чем нельзя быть уверенным. Способностей может быть только капля, и эта капля проявится от стресса, ужаса, какой-то совсем нестандартной ситуации на грани нервного срыва.

– Тогда она уже проявилась бы, – я нашла в себе силы усмехнуться. – Я вам не рассказывала о самом переходе?

Он зачем-то подступил. Я в страхе шагнула назад – почти до самого ограждения. Он меня теперь пытать начнет, чтобы удостовериться? Может, в его комнате муха пролетела, мне-то почем знать, что там его разбудило?

И вдруг он меня перехватил за плечи, наклонился почти до лица и шепнул:

– Проверим. Лучше я потеряю десять монет, чем буду рисковать оставлять в доме, где сплю, мага с той самой злостью.

Я, кажется, поняла, что он сделает в следующий миг, но уже ничего не могла изменить – Ринс с силой толкнул меня в грудь, выбрасывая за перила в темную бесконечность. Не знаю, успела ли я закричать, но с жизнью точно попрощалась.

И верно говорят, что за секунду все перед глазами пролетает – все несделанное, непрожитое, недочувствованное. Это было какое-то колючее изумление от того, что я закончусь именно так и именно в этой точке переплетения времени и пространства, в этом мешке-сорочке, развевающейся парусами, но не способной помочь. Почти иронично, на грани смешного, но сосуще больно.

Спустя пару секунд меня дернуло так мощно, что чуть кости из тела не вылетели – это элох схватил меня в воздухе и тут же расправил крылья, замедляя падение резким толчком. Прижал к себе, планируя, но я еще долго не могла прийти в себя и поверить, что неизбежность не случилась.

Скиран опустился на землю перед замковой стеной, освободил меня от объятий, но поддержал, поскольку я пошатнулась. Казалось, что все тело получило колоссальный ушиб воздухом, который сжал в лепешку все внутренности и мозги. Теперь у меня не было сил ни говорить, ни удивляться тому, что айх Ринс снова оказался рядом, со своим до безобразия равнодушным голосом:

– Похоже, я ошибся, никакого магического всплеска. Скиран, я не давал команды ее ловить… но раз уж все равно ошибся я, то наказывать тебя не буду. Спокойного остатка ночи, романтики.

Элох помог мне дойти до комнаты и там оставил. Я даже не поблагодарила его за спасение, до сих пор пребывая в немыслимом шоке.

Глава 8

Разбудили меня стуком в дверь и, разумеется, после почти бессонной ночи разбитую. Я вскочила с кровати сразу, но остановила себя – побоялась отодвигать засов. Однако тут же раздался голос:

– Кати, ты там? Господин распорядился снабдить тебя работой!

«Снабдить работой», надо же. Я сразу открыла и увидела перед собой женщину, не старше сорока лет, довольно миловидную и, что обнадеживало, приветливо улыбающуюся.

– Зови меня Ратия, – произнесла она, сделав ударение на первый слог, как и при произнесении моего имени. – Я отвечаю за работу рабов в замке. Подожди, я принесу тебе форму.

Она напоследок окинула мою фигуру внимательным взглядом, кивнула какой-то своей мысли и исчезла. Просто исчезла, оставив на своем месте лишь белесый дымок. Я разинула рот и дважды обескураженно моргнула, после третьего раза дымок начал уплотняться, являя снова ту же женщину на том же месте, но уже державшую в руках платье.

– Вот это подойдет. Примерь.

Я отступила, не зная, то ли пропускать ее в спальню, то ли захлопнуть дверь перед носом, чтобы выполнить распоряжение. Так и не выбрав, просто спряталась за дверью, чтобы меня не было видно из коридора, и принялась спешно стаскивать спальный мешок-сорочку. Но интерес прорывался наружу:

– Ратия, ты маг?

– Да, конечно, – ответила она тоже с некоторым удивлением и добавила не без гордости: – Иначе не получила бы такую должность. Странный вопрос!

Я вытянулась к ней, показывая только обнаженные плечи, посмотрела на ее лицо. Снова спряталась и, одеваясь, продолжила любопытствовать:

– Но твои глаза не такие яркие! В смысле, цвет чисто зеленый, но не сказать, чтобы уж сильно выделялись…

Ее тон неожиданно изменился, стал по-детски обиженным, словно я сказала что-то не то.

– Не каждый дар радужки высвечивают так, чтобы с расстояния ста шагов можно было различить! Для моих скромных способностей мои глаза достаточно яркие.

Ничего себе – скромные способности… Она просто исчезла в одном месте, слетала в другое и вернулась, как по какому-нибудь телепорту! Хотела бы я

обладать таким же «скромным даром». Я поспешила объясниться уже опостылевшим:

– Я из диких земель! Извини, не хотела тебя обидеть.

Она долго еще что-то насуплено бурчала себе под нос, но мой интерес уже занимала другая тема. Да, синее платье оказалось мне по размеру, но… я видала столичных проституток, и все из них были одеты приличнее. Подол едва прикрывал бедра, слишком короткий, а вырез на груди, наоборот, тянулся почти до самого живота. Да это не платье, это какая-то тряпка из секс-шопа для игр между заскучавшими супругами! Мне было стыдно даже сделать шаг к Ратии и показаться перед ней в таком виде.

– Я в этом никуда не пойду, – сказала неуверенно.

– Куда ты, интересно, денешься? – она все еще была чем-то недовольна. – Или ты решила, что можешь не исполнять мои распоряжения? Я здесь, между прочим, главная над хозяйственной частью!

– Мне… это… размер не подходит.

– Этого не может быть, я магически изменила форму под твою фигуру. Хватит строить из себя благородную леди, Кати, ты рабыня, и одежда одинакова для всех!

С этим она здорово перегнула, ведь сама была одета во вполне приличное платье, похожее на мое только цветом. Или так наряжают только молодых и новеньких? Но еще я очень не хотела портить с ней отношения, прямо чувствовалось какое-то нарастающее напряжение между нами, потому спросила неуверенно:

– А белье к этому… к-хм, костюму полагается?

– Все полагается, если будешь хорошо работать! – отрезала женщина.

На мне были короткие панталончики, выданные еще в доме добрых господ Нами. Потому я поежилась и вышла к женщине, надеясь, что она не станет обращать

внимания на то, что подол их едва закрывает. Но Ратия уже раздраженно торопила:

– Идем уже, сколько времени тратим на ерунду.

Она повела меня в ту самую столовую для рабов, на которую вчера указывал Скиран. Я немного успокоилась, когда увидела других девушек в таких же платьицах. То есть меня не унижают по конкретному приказу айха Ринса. И все равно было не по себе. Это же задача – попробуй остаться неизнасилованной в таком прикиде.

– Кушать здесь, – она указала на один из столиков, где уже сидела другая девушка с таким же затравленным видом, как у меня. – И да, высокоблагородная леди, еда тоже для всех одинакова, вы не возражаете? Ничего же, что плохая магичка Ратия выделила не самое лучшее место для вашей царственной персоны?

Как-то мы с ней неправильно начали. Я осторожно тронула женщину за локоть, чтобы остановилась.

– Ратия, я не хотела тебя обидеть. Я… из диких земель! И в столице оказалась совсем недавно.

Показалось, что взгляд ее немного потеплел, она даже улыбнулась:

– Ничего, привыкнешь. Поначалу здесь всем немного сложно. Поешь хорошенько, а то смотреть страшно на твою худобу. А потом приступишь к обязанностям. Кстати, о них. Ты умеешь готовить пироги с потрошками?

Я вытаращилась на нее.

– Эм-м… не уверена.

– Рокри? Кайолли? Хотя бы суп из лаорового мяса?

Мои глаза становились все круглее – лучше бы на пироги с потрошками согласилась, эти слова хотя бы разум перевел на привычные, а ее улыбка по

мере перечисления с лица сползала в минус. Вот я и испортила о себе и без того не слишком хорошее впечатление. Почти жалобно проблеяла:

– Я убираться умею, дорогая Ратия.

– Убираться она умеет, надо же, – женщина эту фразу почти сплюнула. – Таких надо или в наложницы брать, или сразу в суп из лаорового мяса отправлять. На случай, когда в морозильнике закончатся лаоры.

Она, скорее всего, пошутила. Хотя спрашивать о том, распространен ли здесь каннибализм, я не решилась – кто знает, какой ответ получу и смогу ли потом спокойно спать. Ратия скривилась, но после долгих раздумий заявила:

– Ладно. Пока будешь убирать коридоры на четырех первых этажах. В комнаты только не смей заходить!

– Спасибо, – я говорила как можно спокойнее. – Я не подведу.

Направилась к столику, попутно рассматривая свою соседку. Молодая брюнетка в таком же платьице, если эту форму можно хотя бы с натяжкой так назвать. Лицо ее мне показалось некрасивым и каким-то распухшим. Только сев напротив и пододвинув к себе тарелку, я сообразила – девушка просто зареванная: щеки опухли, глаза красные.

– Привет, меня зовут Катя, – я решила быть дружелюбной со всеми, на всякий случай. – Новенькая.

– Кати? – повторила она по-своему. Не пойму, у них всех со слухом туго? Почему только айхи слышат мое имя верно, а остальные коверкают? Но ее неожиданной радости нашлась хоть какая-то причина: – И меня почти так же, только Китти! Мы обязательно станем подругами!

Я выдавила ответную улыбку. Кати так Кати. Если это обеспечит мне еще одного союзника, хоть Таракатей зовите. Я решила укрепить мирный союз:

– Выходит, почти тезки. Ты плакала, что ли, Китти?

Она согласно зашмыгала носом. На самом деле, я не выношу чужих истерик. Но в этот миг заставила себя наклониться и похлопать ее по руке:

– Эй, эй, не реви. Расскажи, что случилось!

– Ничего-о-о! – обескуражила она меня ответом, а по ее распухшим щекам потекли крупные слезы.

– В смысле? – я снова выпрямилась, а голос сам стал суше.

– Ничего-о-о не случилось, – повторила она, всхлипывая. – Я здесь уже два месяца, пристроили посуду мыть и овощи чистить. Это намного лу-учше, чем было раньше, до того, как айх меня купил – там хозяин заставлял работать от зари до зари, а здесь и работой не загружают до мельтешков перед глаза-ами, и не бьют, если все делаешь хорошо-о…

Я вообще перестала что-либо понимать:

– А ревешь тогда чего? Что не бьют?

– Не-ет… Просто не могу не реве-еть… Говорят, что со временем привы-ыкну, но уже два месяца реву-у… Здесь у мно-огих поначалу эмо-оции обостряются…

До меня постепенно доходил смысл происходящего. Аж передернуло от отвращения. И я обязана была оставить мнение при себе, но не выдержала – высказалась:

– Знаешь, Китти, вряд ли мы сможем стать подругами. Я лучше одна выгребусь, чем с той, у кого главный порок – расклеиваться без причины.

После этого она закономерно окончательно залилась горючими слезами. Ну и где моя жалость? Вот как раз сейчас бы хоть капля пригодилась. Но мне хотелось схватить тарелку и пересесть подальше от этой размазни, напоследок снабдив ее какой-нибудь гадостью, чтобы влезла уже в петлю и никого своим существованием не мучила. В тот момент я и не поняла, что моя реакция на ее слезы тоже была не совсем естественной.

– А может, тебе врезать? – почти вежливо поинтересовалась я, однако кое-как держалась, чтобы не сорваться на крик. – Ну, чтобы повод был.

– Так-так-так, – отвлек мужской голос от темных мыслей. – Нытик и стерва. Интересная композиция.

Рядом с нашим столиком стоял мужчина лет тридцати – приземистый, некрасивый. Но хуже всего в нем был засаленный взгляд, который бодро метался от высокой груди моей новой знакомой к моим голым ляжкам. Нет, хуже всего оказалась еще парочка почти таких же мужичков за его спиной, с похабными ухмылками наблюдающими за своим приятелем.

– Чего тебе? – мне удалось перенаправить злость на пришлого.

– Ничего. Но когда вы друг друга доведете до бесячей горячки, мы окажемся поблизости. Организуем снятие стресса. Вам вон даже задирать нечего, бери горяченькими. Ух, я б твои кости-то на себя насадил! А потом и эту плаксу, за компанию. И пусть рыдает, пока ее вся толпа приходовать будет.

Понятно – у этого на поверхность всплыла похоть. Быть может, спровоцированная нашими недвусмысленными нарядами. Я, не глядя, подхватила вилку и продемонстрировала ему со словами, саму себя удивляя отсутствием страха и звенящей злостью:

– Вот из этой штуковины сделать заточку плевое дело, кобелина. Я в двенадцать лет таким по яйцам с разбега пинала, а с тех пор здорово подросла и озверела.

– Психованная? – он вопросил это без иронии, даже взгляд посерьезнел.

– Еще какая, – кивнула я. – У меня зубов на нас обеих хватит. Доставай причиндалы, не терпится глянуть на кусок мяса, который я заставлю тебя сожрать.

Удивительно, но один из его друзей подхватил мужика под руку и увел, приговаривая одно слово: «психованная», как будто здесь это было каким-то чудесным защитным заклинанием. Хотя ведь если в девушке разглядели злость, то она действительно может созреть до желания убивать – в такую хреном

тыкать чревато. Обстановка определяет, что любое свойство может разрастись до грандиозных масштабов. То ли от осознания, что моя злость была преувеличенной – обычно я веду себя намного осторожнее, то ли от того, что выпустила пар, но я начала успокаиваться. Теперь уже и слезливая Китти до бешенства не доводила.

А она за это время, оказывается, почти успокоилась и теперь пялилась на меня круглыми от изумления глазами. И залепетала жалобно, заметив, что я снова обратила на нее внимание:

– Кати, прошу, будь моей подругой! Хотя бы пока не привыкнем к влиянию черного айха. В тебе есть сила, во мне слабость. Вместе мы непобедимы!

Я хмыкнула от ее дикой логики:

– Это в какой же ситуации нам поможет твоя слабость?

– Ну… ты будешь всех побеждать, а я буду тебя боготворить, – и уставилась на меня влюбленными глазами.

Я зачерпнула вилкой побольше овощей, желая поесть, а не продолжать разговор. Но отказываться теперь не спешила – вместе с уходящим раздражением возвращались дельные мысли. Все-таки я тоже подвержена влиянию, даже не заметила, когда оно накрыло. Причем всякий раз включается непредсказуемый рандом, и хорошо, если в тему, но может быть по-разному. Допускаю, что я завтра буду тут рыдать, а Китти меня утешать… хотя нет, всплывает что-то из ходового арсенала психики, а я точно не нытик. М-да, убийцей бы случайно не стать. Дорогой айх, надевай скорей свою повязку, в такой обстановочке работать будет сложно.

К счастью, в доме Нами я научилась различать порошки для чистки, потому с уборкой все-таки справлялась. Коридоры казались бесконечными, но я не жаловалась. Ратия перед ужином меня даже похвалила. Она все-таки довольно справедливая, по мелочам не придирается, а толковые советы подкидывает в самое нужное время. Может ли быть такое, что ее утренняя обидчивость тоже вызвана влиянием айха? Но по прошествии лет службы в замке она этого уже не различает, стало частью ее характера. А вдруг все со временем здесь меняются и просто думают, что магия перестала действовать? Мысль эта оптимизма не

вызывала. Хотя кто тут разберет все причины и следствия?

После ужина почти всех освободили от работы. Большинство сразу направилось в крыло для рабов – отдыхать, мыться или развлекаться, если рабам здесь можно хоть как-то развлекаться. Меня же Китти потащила во двор, чтобы показать все, чего я еще не видела. Конюшни, большие склады и ангары – все это было интересно, но мы не отважились пробраться внутрь.

Китти схватила меня и указала в сторону:

– Это Скиран! В ваших диких землях видали элохов? Они все красавцы, но он… – и снова всхлипнула вместо того, чтобы закончить предложение.

Я пыталась просто не обращать внимания на очередной упадок ее настроения:

– Да, я с ним уже знакома. Пойдем, поздороваемся?

– Знакома?! – она на мгновение замерла. – Не пойдем! Я два месяца жду повода познакомиться, но это произойдет не сейчас.

– Почему?

– Чтобы он увидел меня такую зареванную?!

Я прищурилась:

– А у него есть шанс увидеть тебя в другом виде?

– Не-е-ет, – она сложилась пополам от рыданий. – И ты не ходи-и… пожа-алуйста. Потому что я тогда с тобо-ой… А ты такая сильная, а я такая…

Я закатила глаза к небу и усилием воли подавила очередной приступ ярости. Обуздав нрав, шагнула к Китти и взяла ее за плечи, заглядывая в лицо. Заговорила строго, с напором, но без раздражения:

– Послушай меня. Ты должна взять себя в руки. Это игра, понимаешь? Как я должна справляться с приступами злости, ты должна справляться со своими слезами. Даже если айх это делает ненамеренно – хотя с него бы сталось – все равно в его доме все должны играть в эту игру. Ты ловишь ненужную эмоцию и отстраняешься от нее, как от чужой. Любыми способами. Успокаиваешься и не ревешь. В этих краях водится валерьянка? Я бы в тебя сейчас цистерну ее влила, лишь бы ты осознала в себе отличия. Ратия – маг, обратись к ней за помощью. Может, у нее есть что-то покрепче валерьянки? Или…

– А зачем? – она пялилась на меня мокрыми глазами. – Если так мне проще… Ну, реву себе, никому не мешаю…

– Потому что так надо! – отрезала я. – Иначе скоро ты и не вспомнишь о том, какой была раньше. Ты и раньше плакала без повода?

– Ну… бывало… – она отвела взгляд.

– Не удивлена. Но теперь ты в игре чернокн… айха Ринса. И в этой игре такие правила. Все ясно?

– Но зачем?… – она снова начала смаргивать накатывающиеся слезы.

Я сжала руки и с силой тряхнула ее.

– Затем, что иначе я не буду с тобой общаться. С шантажом знакома? В общем, увижу еще раз слезы без повода – пройду мимо и забуду, что мы почти тезки, – во время моей речи ее глаза все больше стекленели от ужаса, значит, я попала в верную точку. – Вот если побьют тебя или еще как обидят, то встану с тобой рядом и помогу со всем справиться. Но до этого ты должна встать со мной рядом в этой игре. Я не прикрываю тех, кто не прикрывает меня.

Китти неуверенно свела брови в кучу, но потом заторможенно кивнула.

– Я… попробую…

– Не попробуешь, а сделаешь. И пойдем уже спать.

– Так рано? – она шмыгнула носом, но тут же сделала вид, что закашлялась.

– Ага. Прошлая ночь была весьма интересной, если не отосплюсь, то рискую свалиться с ног.

– Расскажешь? – она бежала за мной.

– Обязательно. Как только увижу твое лицо без этих красных пятен.

Она вроде бы судорожно вздыхала, но я сделала вид, что не заметила, уверенно шагая в свою комнату.

Не знаю, насколько невыполнимую задачу я перед ней поставила. Но была твердо уверена, что если ей что-то и поможет, то только жесткие меры. Я сделала это не из жалости, а лишь объяснила правила выживания – как когда-то сделала Тамарка для сироты и воровки, впервые оказавшейся в общей тюремной камере. Тамарка просто поставила меня в известность, а остальное было в моей воле. То же самое я посчитала себя обязанной сделать для Китти, пусть и она потом кому-то вернет этот же подарок. Новый всплеск неконтролируемой злости ушел намного быстрее, чем раньше, – теперь было достаточно его только констатировать. Себя бы спасти, а я зачем-то взялась спасать еще кого-то. Но вряд ли это желание продиктовано каким-то пороком, то есть оно мое, не навязанное извне, а значит, любые усилия в этом направлении того стоят. Остаться собой можно, только цепляясь за свое.

Глава 9

Во время следующего завтрака я все приглядывалась к Китти и искала признаки слезливости. Однако обнаружила другое: она была сама на себя не похожа, даже на вопросы отвечала как-то медлительно, перемежая фразы отстраненными взглядами.

– С тобой все в порядке? – я спросила в лоб. – Ты какая-то странная.

– Ну да… А разве ты не этого хотела? Ратия мне дала снадобье, снижающее волнение и повышающее осознанность, именно так она поняла мою просьбу. И теперь… слушай, а ты замечала, в какой цвет покрашены здесь стены? Обожаю голубой… Когда меня вели в замок айха, я думала, что здесь все будет черным, но гляди-ка – голубое, как небо. Никогда за собой не замечала, но я, оказывается, люблю небо…

– Понятно, – протянула я. – И спасибо тебе за то, что пытаешься. Мне было бы очень жаль потерять такую замечательную подругу!

К лести я не склонна, но из себя выдавила, хотя по поводу «замечательной» еще надо будет сто раз подумать: вчера она ревела без умолку, сегодня – возвышенно-тормозная, и еще неизвестно, что хуже. Но ярости ее поведение во мне не вызывало – то ли я к созерцателям терпимее отношусь, чем к нытикам, то ли борюсь с эмоциями все успешнее.

– Здесь неподалеку есть река, – продолжила она мечтательно. – Пойдем туда после ужина? Вода наверняка окажется еще прекраснее, чем эти стены.

– Пойдем, – согласилась я. – Теперь я с тобой куда угодно пойду. Ты только дозировку снадобья постепенно снижай, а то случайно эволюционируешь в буддийского монаха – лучше, чем было, но я догнать не успею.

– В кого что сделаю? – не поняла она, но гармония из взгляда не исчезла.

– Неважно, Китти, приятного аппетита!

– И тебе! И тебе, моя милая и немного напряженная подруга, – она наклонилась и тронула пальцами мою руку, совсем как вчера сделала я. – Не волнуйся ни о чем, все будет хорошо. Смотри на мир чистыми глазами – и он ответит тебе тем же. Вокруг тебя любовь, Кати!

– Чья? – уточнила не без скепсиса.

Она развела руками:

– Хотя бы моя. Но она безусловная. Вчера ты меня шантажировала, но хотела сделать лучше. И я тебе благодарна за это. Я не прощаю тебя, мне не за что тебя прощать, хотя я и проревела почти до утра. Только теперь я вижу, что твоя душа чистая и искренняя, она просто иногда заставляет тебя говорить злые слова, но творит благо. Когда-нибудь и я дам тебе совет, который придется кстати.

Я улыбалась ей уже без принуждения. Да, это не вчерашняя Китти, а какая-то высветленная версия ее. И оказалась вполне симпатичной, такую уже скоро и элохам представить не стыдно, если ей этого хочется. Ага, и после она их уложит на лопатки этими возвышенными речами… Но я поняла, почему мне нравится это изменение – я как будто на секунду оказалась в обществе айха Ноттена, которому просто хочется улыбаться, даже когда он утопает в пафосе.

– Спасибо, – я ответила серьезно. – Но дозировку все-таки снижай.

Я отправилась по своим делам, оставив ее со спокойным сердцем. Лишь бы Китти не забыла о работе на кухне, увлекшись восхищенным созерцанием бликов на тарелке.

Та же уборка тех же коридоров, но во второй раз это еще проще. Я подметала, мыла панели, а затем и полы, уже не путаясь в средствах для чистки и тряпках. И вдруг застыла – одна из дверей на четвертом этаже была приоткрыта, а на самом пороге что-то блестело.

Осторожно подошла и подняла вещицу – ею оказалась сережка восхитительной красоты: большой цветок, украшенный мелкими красными камешками. В комнаты мне заходить запрещалось, и в данном случае я не увидела другого выхода, кроме как тихо постучаться.

– Есть кто?

Мне не ответили. Покои айха располагались выше. А здесь кто живет? Не слуги и не рабы, я это запомнила из рассказа Скирана. Наложницы? Судя по сплетням, у Ринса их сотни, потому они вполне могут расселяться сразу на нескольких этажах. Да и такая сережка должна принадлежать даме из благородных или любовниц, явно не нищенке. Я подняла руку, чтобы снова постучать по косяку, но кисть сама замерла перед ударом. Тихо толкнула дверь, бесшумно ступила внутрь. Покои большие, с роскошной мебелью, возле стены – изящная кровать.

Никого нет, а на самом краю шелкового покрывала лежит пара моей находке.

Вообще не отдавая себе отчета в действиях, я отправила обе сережки в маленький нагрудный карман, потом поспешила к своему ведру и прочему инвентарю. Подхватила и, насвистывая, спешно удалилась – уберусь-ка я пока на втором этаже, там людей ходит больше, значит, больше грязи.

В голове крутилась знакомая попсовая песенка, ее я и издавала – то словами, то тихим свистом. Веселая такая, бессмысленная до примитивности, но заставляющая пританцовывать. Со всем вторым этажом я на этом душевном подъеме справилась, даже не заметив, а в голове в такт музыке крутились приятные мысли: сережки припрячу, потом найду возможность продать. Здесь не слишком загружают работой, то есть появится время и в столицу сгонять с этого отшиба. Продам и на вырученные деньги куплю… Нет, не себе. Что мне здесь нужно? Куплю что-нибудь Китти или лучше Скирану – какую-нибудь безделушку в благодарность за спасение моей жизни. Великолепная идея!

И уже на первом этаже вдруг осознала с холодеющей спиной – я украла сережки не из-за Скирана или Китти, не из какой-то насущной необходимости, а потому что я воровка. Это во мне было раньше – брать чужое, чтобы удовлетворить какую-то свою потребность, был и навык отличать бижутерию от ювелирки с одного взгляда. Да, это мое. Но я никогда не была клептоманкой! Мне даже неизвестно, смогла бы я их продать и что бы мне грозило в случае раскрытия! Снова пропустила всплеск эмоций, не ощутила границу, когда поддалась влиянию навязанного! Осознав это, я сцепила зубы. На четвертый этаж заставляла себя шагать, и притом страдала – так четко ощущалось нежелание расстаться с тем, что украла. Но знала, что поступаю верно, ведь еще вчера определилась со стратегией поведения.

В комнату постучала, на этот раз мне открыла женщина – невероятно красивая, ухоженная обладательница длинных блестящих каштановых волос, очень высокая и роскошно одетая. До сих пор мне не приходилось в этом мире видеть макияжа, а у этой вокруг глаз шли витиеватые орнаменты – возможно, татуировки, но ничуть не пошлые, они придавали ее внешности еще больше яркого очарования.

Женщина брезгливо окинула меня взглядом и поинтересовалась:

– Чего тебе?

– Вот, – я протянула серьги на ладони. – Нашла, когда убиралась.

Она будто удивилась, оглянулась на постель, на тумбу, а потом уставилась на меня, неожиданно закричав:

– Врешь, врешь!

Я отступила, глаза заметались. Надо было просто бросить под дверью, но в тот момент я сосредоточилась на том, чтобы не поддаваться влиянию, потому детали упустила из вида.

– Врешь! – верещала она на весь коридор. – Я их в комнате сняла! Кажется!

– Я… они… рядом…

Я лепетала оправдания, сама понимая, что звучит невразумительно. Да зачем же я укренилась в полную честность? Бросила бы их тут и ушла! Почему так сложно было выдержать баланс, а не кидаться из крайности в крайность? В тот момент показалось, что полумер в возврате в свои настоящие эмоции быть не должно, – и, очевидно, в этом предположении просчиталась. Тем более что одна сережка валялась на пороге, да и дверь хозяйка почему не заперла, если уходила? Кажется ей, надо же!

Но дама закипала на глазах. Она бросилась ко мне и размахнулась для оплеухи, я не успела прикрыть лицо, только руки начала вскидывать, но боли не почувствовала. Зато она завопила от боли, прижимая руку к груди. А потом вскинулась, в ее глазах пропадали последние крупицы разума:

– Ты… меня… ударила?!

Честно говоря, я не знала, что произошло, но я точно ее не била. Она выла, демонстрируя мне скрюченную кисть, и оставалось только признать – я в конкретных неприятностях, но даже объяснить их не смогу. Судя по одежке, дамочка эта имеет полное право меня прихлопнуть без повода, а уж с поводом…

– Айх! – она заорала так громко, что у меня уши заложило. – Айх Ринс! Господин! Айх! Здесь воровка! В вашем замке воровка, которая избивает вашу женщину!

Я тоже теряла остатки самообладания, но старалась себя контролировать. Со всех сторон начали открываться двери, но никто в коридор на помощь не спешил – вероятно, тоже думали, что любопытство – не оправдание, если сейчас сюда явится злой маг, которого, быть может, оторвали от дел или от отдыха из-за каких-то сережек, которые все равно вернулись к владелице. И слышались явные шепотки:

– Арла, дура, успокойся! Сама пойди к нему и сообщи! Ты совсем спятила?

Я была с советчиками согласна, уж точно обойдемся без айха. Потому наступала на нее, пытаясь унять сумасбродку.

– Госпожа, не кричите так! Прошу, не кричите! Ведь сережки у вас, ничего не случилось.

Но она отступала в комнату и голосила еще громче:

– Айх Ринс! Айх! Господин! Безродная мразь бесчинствует в вашем доме!

Быть может, в ее крови и нет магии, но таким голосом она доорется и до столицы, и на сотню километров за ней. Я от отчаянья поддалась взрыву раздражения и приглушенно зашипела:

– Да заткнись ты уже! Ты его еще чернокнижником позови, тупица. Если он занят, то нам обеим прилетит, мама не горюй…

Вероятно, у нее окончательно отказал мозг, раз она восприняла мое издевательское предложение как подсказку и завопила на той же ноте, от которой содрогнулся весь этаж:

– Чернокнижник Ринс!

Всё, кранты. Даже если Ринса нет в замке, то теперь ему об этом сообщат, ведь обязательно у кого-то обнаружится порок «заложи ближнего своего». После

этого я поняла, что надо бежать. Забаррикадироваться в своей комнате и не сдаваться, пока айх не разберется, что я в этом призыве не участвовала. Развернулась и тут же налетела на человека. Сжавшись так, что стала в два раза ниже, подняла испуганные глаза вверх. Айх не выглядел злым. Вроде бы. Под повязкой не видно, но показалось, что он вскинул бровь.

– Айх Ринс! – дамочка кинулась к нему, а я успела отскочить в сторону, чтобы уступить ей место под его ногами. – Эта мразь сначала украла мои сережки, а потом отбила мне руку! Очень больно! Не оставляйте такое без наказания!

Да что она прицепилась с этой рукой, придумала какой-то бред и теперь на нем будет настаивать? Но Ринс взял ее кисть, чуть наклонился под ее болезненное шипение и хмыкнул. Хмыкнул… как будто всерьез разглядел там что-то. И после этого повернулся ко мне, но вопросы задавал дамочке:

– Успокойся, Арла, и теперь по порядку. Ты поймала ее на воровстве?

– Да! – она осеклась, но потом изменила показания: – Не совсем! Она сначала украла мои сережки, а потом их принесла!

– О, – он выдал коротко. – Я помню, чем ты занималась в прошлом, Катя, потому не удивлен. Так украла?

Я размышляла несколько секунд, а потом обреченно кивнула. Показалось, что если он поймает меня на лжи, то будет еще хуже. Но он почему-то не разозлился:

– Были времена, когда я тоже мог называться вором, осуждение из моих уст не прозвучит естественно, даже если бы я захотел. Но сейчас меня интересует другое – почему ты вернула украденное?

– Ну… подумала и поняла, что поступила неправильно…

– Серьезно? – было заметно, что его эта тема очень занимает. – Просто подумала?

– Да, – я не знала, какого ответа он еще ждет, потому хмурилась.

– То есть ты легко это контролируешь?

– Не сказать, чтобы легко, – призналась я.

Теперь одежда, к которой я хоть отчасти привыкла, начала смущать. Он разглядывал далеко не только мое лицо, но и все тело, а в этом платьице его вряд ли можно было назвать скрытым. Хотя, может, так только казалось из-за невозможности отследить направление его взгляда.

– Арла, – он, не поворачиваясь, снова обратился к дамочке. – А как ты палец сломала?

– Так она же! – она указала на меня другой рукой.

На это заявление я промолчать не могла:

– Неправда! Я ее даже не трогала! Наоборот, это она мне пощечину дала!

– Как интересно, – он вдруг улыбнулся и направился вглубь комнаты. Взял изящный стул, развернул его в воздухе спинкой, и сел, сложив руки на вершине. – Закройте-ка дверь, это очень любопытный разговор.

– Но моя рука…

– Арла, я дважды не повторяю, – он выглядел совершенно спокойным. Дождался, когда она спешно захлопнет дверь, затем продолжил: – Итак, у нас спорная ситуация. Сережки вернули, не вижу смысла к ним возвращаться. Но одна утверждает одно, а другая противоположное. Катя, откуда у Арлы отбитое запястье и трещина в пальце?

– Я не знаю, – руками даже развела, чтобы добавить словам весомости.

– Тогда отрежь ей этот палец. Пусть на всю жизнь запомнит, что клеветать в присутствии айха нельзя. Арла от этого не умрет, так что легко отделается за такой серьезный проступок.

Он отодвинул полу длинного плаща и вынул маленький кинжал, протянул мне. Арла судорожно задышала, но теперь боялась подать голос. Я к ножу даже не потянулась – наоборот, отступила на шаг, у меня от ужаса голос тоже задрожал:

– За что?… Да вы знаете, вероятно, она так неудачно приложилась, что действительно… Я теперь подумала, что она не врет…

– Как же она так приложилась, что у тебя даже щека не покраснела? Тогда врешь ты?

– Нет…

– Так возьми и отрежь ей палец. Тогда вопросы к тебе будут закрыты. Бесы с ними, с сережками, раз вернула. Вот если бы она незаслуженно обвинила тебя в воровстве, то я приказал бы отрезать ей ухо. Я не айх Ноттен – в моем присутствии люди вполне способны лгать без талисманов. Но я не айх Ноттен – и за такое наказываю.

– Я не страну! – я тряслась уже всем телом. – Мы обе не врем! Да, точно, Арла замахнулась и случайно попала по стене, но сама не заметила! Теперь я вспомнила!

– Это снова приступ жалости? Зачем ты врешь, Катя?

Я боялась молчать и сказать что-то неправильное. Но одно о своих эмоциях понимала точно – я в качестве палача участвовать не стану. Такая навязанная роль даже хуже, чем роль жертвы, потому что она ломает что-то внутри окончательно и бесповоротно. Если тебя бьют, то зло сидит в обидчике, а сам ты свободен не изменяться. Но если бьешь ты – это уже становится твоей частью, от этого избавиться сложнее, чем от синяков. Я видела таких – еще в детдоме. Слабаки, которые под дружный хохот старших товарищей готовы были запинывать упавшего. И уже тогда знала, что это и есть настоящая слабость – делать то, что тебя заставляют делать, ломать что-то внутри своими же собственными руками. Я много плохого в жизни делала, но ни одного шага в сторону слабости за мной не числится. Продолжила, от этих мыслей заметно успокаиваясь:

– Затем, что даже если бы Арла это придумала, то все равно не заслужила таких истязаний. Наказывайте меня, если считаете такое решение справедливым, ведь все началось с моего поступка. Я взяла ее сережки. Я воровка.

– Она тебе пощечину влепила. Орала на весь замок, мразью называла. И не заслужила?

– Нет, – я повторила упрямо. И ведь действительно, от моей злости не осталось ни следа.

– Получается, здесь вообще ничего страшного не произошло?

– Не произошло, – залепетала и Арла, которая только опомнилась. – Прошу прошения за беспокойство, господин!

– Тогда наказание понесет Катя. Ведь кто-то должен ответить за мое беспокойство без причины. Придумаю что-нибудь такое, что и меня порадует, и ей уроком станет.

Красавица снова упала на пол, умоляя:

– Дорогой, любимый айх, вы ведь знаете, что мой главный порок – глупость! Я даже грамоту толком не освоила, а родители радовались, что я красива и смогу прожить без учений. Вот именно глупость и увеличилась, умертвив на время мой рассудок. Ведь не было воровства, если вещь принесли обратно! Я поступила глупо, но точно так же иногда поддаются своим порокам многие!

Кстати, очень логичное объяснение ее поведению. Надо будет запомнить на будущее: «Я дурю, потому что дура, прошу понять и простить. Во всем ваша магия виновата, а я в школе плохо училась». И айх вздохнул, встал со стула, признавая:

– Да, знаю. Я тебя не из-за ума и выбирал. Ты еще лет десять по праву будешь считаться первой красавицей в столице, так какая разница, что там у тебя в черепушке?

Он направился к двери, а мы не могли поверить, что на этом все закончилось. Я вздрогнула, поскольку Арла ухватила меня за руки, всовывая сережки. Я недоуменно уставилась на нее.

– Возьми, возьми себе, – у нее дрожал подбородок. – И спасибо. Никто на твоем месте не поступил бы так. А я действительно глупа, мне об этом раньше говорили, но только в этом замке я осознала насколько. Но я не зла – это был… это не я была… Разозлилась из-за сережек, а понесло куда-то… куда раньше не заносило.

Я приняла дар – просто чтобы ее не обидеть. Потом верну, когда успокоится. И она была права в кратком описании того, что произошло. Перемыкает здесь всех, просто не всем хватает «ума» взывать к айху. Ободряюще улыбнулась и тоже попыталась ей помочь, как Китти:

– Все, Арла, все позади. Не переживай так. Но послушай меня – я учусь отстраняться от влияния черной магии. Если хочешь, то объясню и тебе.

– Объясни! Если это мне поможет лишний раз не злить самого прекрасного мужчину на свете, то я сделаю все возможное!

Черты лица у нее необычные и поразительно привлекательные, но что она несет?

– Самого прекрасного? Это ты о ком? А, неважно, забываю про твой ум. Тогда послушай внимательно: только вначале кажется, что переход к увеличенным эмоциям не чувствуется – он чувствуется, просто надо заметить! Я почти сразу научилась блокировать злость уже на подходе, а сегодняшнее пропустила – потому что это была эмоция, которую я заранее не учла. Но в следующий раз смогу осознать, уверена! Попробую объяснить. Для начала нужно составить мысленный список всех своих положительных и отрицательных сторон – тех, что были в тебе раньше, и то, что о тебе посторонние говорили или было связано с твоими поступками… – я перевела взгляд на руку, которую она все еще прижимала к груди, а палец заметно опух. Свела брови. – Может, сейчас сходим к врачу? К лекарю, в смысле. Кстати, а как ты на самом деле руку-то сломала, ведь ты по мне даже не попала?

Она уже улыбалась совсем беззлобно, отчего сделалась еще красивее.

– Это я тут дура, так что ты мне и объясни!

Я в ответ пожала плечами. Не такая уж она и глупая, если способна на самоиронию. Надо к лекарю – вдруг он каким-то образом раскроет эту тайну? В стороне вдруг раздался голос, заставивший нас обеих забыть об улыбках:

– Да, кое-что забыл. Я айх, а не чернокнижник.

Мы даже ответить не успели, когда он подошел к нам, схватил Арлу за руку и дернул на себя. К последующему приготовиться морально было невозможно – точно то же чувство, как в первую секунду полета с крыши. Он прижал ее ладонь прямо к стене и тем же самым блестящим ножиком полоснул, одним коротким движениям снося палец. Арла завыла от боли, а я застыла от накрывшего шока.

– Вот теперь к лекарю, – подтолкнул он ее в отрытую дверь. Затем повернулся ко мне и указал окровавленным ножиком. – Теперь ты. Эта дуреха до такого бы не додумалась – кто же ей подкинул мысль?

Я молчала. Даже если бы знала, что сказать, то не смогла бы выдавить из себя ни слова – теперь я его не просто ненавидела, меня тошнило ненавистью, настолько огромной, что она не помещалась в голове. И он вынес вердикт сам до того, как все-таки ушел из комнаты:

– И ведь не в первый раз, Катя, а я всё делал скидку на твое происхождение. Ты будешь наказана. Позже придумаю как.

Я качалась, обняв себя руками, и никак не могла прийти в себя. Закрыла глаза, но тошнота не унималась – мне было откровенно плохо. А через несколько секунд начались рвотные спазмы. Не в силах их унять, я упала на четвереньки, готовая вывалить на ковер бедняжки Арлы свой обед, но… из горящего горла, из открытого рта вырвался какой-то сизый дымок – одной короткой струей. Дымок не рассеялся, а полетел мне в лицо, обволакивая плотным кольцом, после чего сразу стало легче. Меня будто обняли, пожалели, прошептали слово, которое я так и не услышала, успокоили голову и желудок. Ощущение это через секунду пропало, но откуда-то взялась энергия бодро подскочить на ноги и побежать из спальни наложницы на первый этаж, в свою комнату. Что за чертовщина?

Что, мать вашу, это была за непонятная чертовщина?

А может, это и есть наказание айха – теперь буду дымком отплевываться? Но нет, вряд ли, какое-то странное наказание, если оно за секунду прибавило мне сил и очистило разум… Каждый раз бы в стрессе сама себя так наказывала! После того ужаса я не трясусь, а просто осмысливаю произошедшее: айх – изувер, что уже не раз доказано, а к Арле потом надо будет заскочить и просто спросить, как она, поддержать. Продолжить свои объяснения, а может, разбираться дальше вместе – чем больше нас таких, разбирающихся, тем быстрее мы друг другу поможем. Клуб анонимных отодвигателей черной ауры. Еще пара минут, и пойду заканчивать уборку – с таким лицом, словно ничего и не произошло.

Но пока только думалось, прибавлялось вопросов, как-то четче высвечивалась вся сцена. Арла ударила меня – размахнулась и залепила пощечину, но натолкнулась на что-то прямо в воздухе так сильно, что сломала палец. Может, один из айхов наложил на меня какую-то защитную границу? Айх Ноттен не мог – меня били после разлуки с ним, и тогда я все чувствовала. Айх Ринс еще с меньшей вероятностью, зачем ему это? Кто-то еще? Ратия? Другой маг? И ведь, кажется, именно мои призывы уже несколько раз слышал айх… А что, если это сидит прямо во мне? В моем мире никак не проявлялось, потому что там сама магическая субстанция другая, а здесь вот обозначилась? Может, в моей крови тоже есть магия? Немного, раз мои глаза просто серые, ничуть не ярче, чем у обычных людей с таким же цветом радужки. Небольшая капля, которая иногда приходит на помощь, а иногда транслирует мои мысли тем, кому они не предназначались…

Вот это точно ни с кем не стоит обсуждать. Если айх меня был готов убить только от одного подозрения, то при твердой уверенности он мелочиться не станет. Ратия и другие маги не в счет, он уверен в их преданности и лояльности. В моей быть уверенным не может – да я сама так соврать не сумею, чтобы скрыть ненависть.

А, наказание же еще. Да и черт с ним, с наказанием. Не хватало еще переживать о том, что когда-то там случится. Пока дышу, пока в себе, пока все пальцы на месте – вот это причина для радости.

Глава 10

На прогулку после ужина я позвала с нами Скирана. Я застала его во дворе и сразу же подошла, предложив составить нам компанию. Успокоенная снадобьями Китти все еще пребывала в своем возвышенном оцепенении, потому даже упрек в ее глазах выглядел одобрением, а смущение в присутствии красавца элоха придало ее лицу здорового румянца. Про свои дневные приключения я ничего рассказывать не стала – не хотелось расстраивать «тезку», едва обретшую мир и покой в душе.

Река оказалась огромной – противоположный берег только угадывался тонкой полоской. Скиран и Китти стояли по обе стороны от меня, тоже замерев от зрелища, которое для них было привычным, но все еще потрясало.

– Элохова река? – я уточнила у Скирана, который оповестил с гордостью о названии чуть раньше. – Это потому, что только представители твоего народа могут ее пересечь?

– Отчасти, – он указал в сторону, на черные точки, нарушающие текущую гладь. – Видишь парус? Сейчас ее пересечь может любой, кому хватит денег для оплаты места на корабле. Но когда-то да, задолго до начала судостроения на тот берег отсюда могли попасть только элохи. Часть племен там и осталась, позже образовались государства с людьми. Их кожа темнее, чем у нас, а нрав импульсивнее. Их государство сейчас называется Маладой. В истории Ир-Раттоки немало войн с тем народом, но сейчас только мирная торговля.

Я посмотрела на его профиль, удивляясь:

– То есть река – граница между странами? А до столицы рукой подать, – я глянула в другую сторону, где издали на возвышении блестели крыши первых городских домов. – Кто же строит столицу так близко к воинственному государству?

– А в чем проблема? – он спросил без любопытства, не отрывая взгляда от воды.

– Ну, я не знаток военной политики, пытаюсь рассуждать стратегически. Вот у нас – в смысле, в диких землях – фашисты до Москвы шли несколько раев. За это

время можно хоть что-то успеть сделать для изменения ситуации. А здесь – направляй флот и своих элохов, и уже на месте, сразу в столице. Круши, бомби и преспокойно шагай дальше, ведь в Ир-Раттоке остальные города не так развиты, то есть вообще ничего противопоставить врагу не смогут.

Скиран почему-то рассмеялся:

– Хорошо, что ты не вождь. С таким-то стратегическим мышлением.

Чтобы скрыть обиду и непонимание, я отшутилась:

– А что? Выбирайте меня президентом, и первым указом я перенесу столицу вглубь страны, чтобы до нее враги добирались год. А вторым – черт, как же это называется, когда бюджет сортируется по регионам… В общем, придумаю название! Отгадайте, какую должность я отменю третьим указом? Подсказка – заканчивается на «айх».

Элох продолжал смеяться над моей инаугурацией, а объяснений я дождалась от Китти, которая в своей монотонности превратилась в доброго учителя:

– Ты иногда переходишь на дикий язык, потому я почти ничего не поняла, но про безопасность столицы ты не угадала. Ты плохо подумала, милая. Тут же замок черного айха. Враги могут напасть с любой стороны, кроме этой. Чтобы дойти до столицы напрямик через айха, им понадобится намного больше нескольких раев. Здесь как раз самое безопасное место во всей стране – ведь он по меньшей мере станет защищать себя и свой дом, и мало никому не покажется.

– Ага, – ухмыльнулся Скиран согласно. – Перепутала причину и следствие. Это столицу переносили ближе к первому замку черного айха, а не наоборот. А белый айх обязательно находится в столице – это на случай, если отсюда начнут поступать раненные, но чтобы сам он был в безопасности и занимался теми задачами, которые подвластны его магии. Расскажи лучше нам о диких землях – они необъятные, но неужели и там живут настолько дремучие племена, не знающие самых простых вещей?

Я снова уставилась на реку, сделав вид, что вопроса не расслышала. Не слишком-то приятно осознавать, что человек, которого ты втайне мечтаешь придушить, способен в одиночку останавливать армии. Как-то это не слишком

хорошо сказывается и на мечтах, и на самооценке. Я просто сменила тему:

– То есть в Маладе элохи тоже другие? Ну, если живут там тысячи лет.

– Конечно. Элохи вообще бывают очень разными, нас объединяют названием только по той причине, что мы умеем летать. Но мир между нашими племенами – еще более далекая сказка, чем мир между человеческими странами.

– Да, ты уже говорил, что вы воюете.

– Кстати об этом, Кати, – Скиран вдруг повернулся ко мне всем корпусом. – Я обсудил со своими друзьями твои идеи, они посчитали их интересными!

– Какие еще идеи? – я закономерно напряглась, особенно от его довольного вида.

– Ты говорила о несправедливости сделки, помнишь? Ты зародила зерно, и сейчас оно дает первые ростки. Мое племя процветает – оно может предложить владыке очень достойный откуп за его помощь в прошлом! А если ему нужны элохи, то многие захотят пойти на такую службу к очень уважаемому всеми нами магу – не по принуждению, а по собственному желанию. Если мы пересмотрим условия, то выиграют все, включая его! Владыка сможет нанять хоть сотню воинов, если ему того захочется!

У меня в горле пересохло, я прокашлялась.

– Но уже не на вечное услужение, правильно? А за жалованье, как у слуг?

Я смотрела в его глаза, не моргая, а от волнения захотелось на него накричать. Но все равно же не поймет. Скиран отказывается называть себя рабом, но по сути им и является. Все они – эти лучшие сыновья племени, высланные сюда в безраздельное пользование господина, который может творить все, что ему заблагорассудится. Никто его не остановит, если он решит прибить одного на месте во вспышке ярости. Если бы Ринс хотел нанимать элохов, которые в любой момент могут вернуться домой, то он бы сам это и предложил! Откуп – это вообще смешно. Ринс не попросил у них золота, когда был всего лишь черно… не был айхом, на кой черт оно ему сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlova_tal-yana/poslednyaya-igra-chernoknizhnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить